

Кристоф Линденберг

Технология зла

К истории
становления
национал-
социализма

ЭНИГМА

1 9 9 7

ЛИКИ ВРЕМЕНИ

К р и с т о ф   Л и н д е н б е р г

Технология зла

К истории становления национал-
социализма

Перевод с немецкого

Москва
«ЭНИГМА»
1997

ББК 84 4 Герм
Л59

Перевод А Розанова под ред Н Федоровой
Оформление серии И Казеевой

Линденберг Кристоф

Л59 Технология зла К истории становления национал-социализма / Пер с нем — М Энигма, 1997 — 112 с — (Лики времени)

Книга немецкого историка и мыслителя К Линденберга (род в 1930 г) опровергает расхожие суждения об “окультурных манипуляциях историей”, показывая необоснованность многих укоренившихся шаблонных представлений о пути прихода Гитлера к власти и выявляя действительные феномены массовой одержимости и своеобразную инстинктивную “инициацию” фюрера Книга написана на основе обширного фактического материала

Оригинальный титул Christoph Lindenberg Die Technik
des Bösen Zur Vorgeschichte und
Geschichte des Nationalsozialismus

ISBN 3-7725-0045-5I

© 1978 Verlag Freies Geistesleben
GmbH, Stuttgart

ISBN 5-7808-0012-X

© Издательство “Энигма”, 1997

1. Феномен Гитлера: тайные и явные причины его возникновения

На первый взгляд то, что австрийский художник-неудачник, не сумевший ни закончить среднюю школу, ни поступить в венскую Академию искусств, а в первую мировую войну, несмотря на проявленное мужество — тому есть доказательства, — дослужившийся лишь до ефрейтора, стал рейхсканцлером Германии и в конце концов заставил весь мир содрогнуться от ужаса, может показаться полнейшим абсурдом. Невольно возникает вопрос: каков должен быть тип личности и какими качествами и способностями должен обладать человек, который в столь неблагоприятных для него обстоятельствах становится политиком и в итоге занимает в германском государстве высший пост? Этот вопрос встает еще более остро, когда вспоминаешь многочисленные, документально подтвержденные описания эпизодов частной жизни Гитлера на раннем этапе его политической биографии, т.е. в 1919—1923 гг.: типичный представитель богемы, дурно воспитанный, плохо одетый, не получивший сколько-нибудь приличного образования, робкий, не уверенный в себе. В беседах с Людендорфом* он то и дело вскакивал, говоря: “Так точно, ваше превосходительство” и “Совершенно с вами согласен, ваше превосходительство”. В тех случаях, когда Гитлера приглашали в дом не только с целью послушать его речи, как правило, вскоре выяснялось, что он почти не способен вести нормальную беседу. Столь неуклюжие и беспомощные манеры резко контрастировали с ораторским талантом Гитлера — здесь он поднимался до немыслимых высот, увлекая за собой широкие массы, здесь он выкладывался полностью, доводя себя до физического изнеможения, но зато и достигая грандиозного эффекта. Наблюдатели рано подметили демо-

* Людендорф Эрих (1865—1937) — германский военачальник, генерал, в 1916—1918 гг. фактически руководивший всеми вооруженными силами Германии. В 1919—1923 гг. примыкал к нацистскому движению, но затем порвал с ним. — *Здесь и далее знаком * отмечены примечания переводчика, а цифрой — примечания автора.*

ническую силу, овладевавшую Гитлером, когда он произносил свои речи, с тех пор и пошла молва о демонизме Гитлера. Возникает вопрос: откуда бралась эта сила?

В ответ вот уже более двух десятилетий выдвигают тезис о том, что Гитлер был своего рода медиумом, т. е. человеком, управляемым потусторонними силами. Так, например, Луи Повель пишет: «За спиной медиума бесспорно стоит не один человек, а целая группа, сообщество носителей энергии, некое объединение магов. Для нас несомненно одно: источник энергии Гитлера следует искать не в его собственной натуре. Его побуждало к действию нечто совсем иное. Силы и течения, обозначенные, правда, не вполне четко, но куда более опасные, чем национал-социалистская теория как таковая»¹. Далее, Повель утверждает, что вдохновляло Гитлера «Общество Туле»* и стоял за всем этим «маг и тайный магистр» проф. Карл Хаусхофер: «Судя по всему, подлинный свой характер «Общество Туле» приобрело лишь с появлением Карла Хаусхофера»². Несколько иная версия содержится в книге Дитриха Брондера; он полагает, что основу экзотерического** «Общества Туле» составляла своеобразная масонская ложа — «Орден Туле», — которая и стояла у оккультных истоков национал-социализма. Согласно Брондеру, Гитлер — один из посвященных «Ордена Туле», великим же магистром был барон Рудольф фон Зеботтендорф³. Однако и Брондер записывает Хаусхофера в члены «Ордена Туле». Следуя ранней версии Повеля, он пишет, что именно Хаусхофер в 1903 и 1905—1908 гг. вместе с магом Гурджиевым путешествовал по Тибету. Хаусхофер якобы сохранил связи с Тибетом и таким образом «способствовал формированию мировоззрения Гитлера»⁴. Другие авторы полагают, что идейно вдохновляли Гитлера и оказывали на

¹ *Louis Pauwels/Jacques Bergier*, *Aufbruch ins dritte Jahrtausend*. Taschenbuchausgabe, München 1976, S. 370 f.

* «Общество Туле» названо по имени мифической страны, расположенной, по преданиям, на Крайнем Севере земли; участники тайного оккультного «Общества Туле» видели в ней источник сил, черпая из которого можно было бы обеспечить Германии власть над миром, сделать немецкую нацию провозвестницей грядущего.

² *L. Pauwels/J. Bergier*, *Op. cit.*, S. 368, 372.

** Не представляющего тайны, предназначенного для непосвященных.

³ *Dietrich Bronder*, *Bevor Hitler kam*, Hannover (1964), S. 139.

⁴ *Ibid.*, S. 240—242.

него оккультное влияние Дитрих Эккарт⁵, Йорг Ланц фон Либенфельз⁶, а также Эрнст Прече⁵.

Все эти концепции страдают серьезными недостатками: во-первых, они опираются на крайне ненадежные источники, во-вторых, из них совершенно не ясно, как эти люди конкретно влияли на Гитлера, и в-третьих, авторы фактически не анализируют, в каком направлении и с какой целью осуществлялось такого рода влияние; в лучшем случае говорится вообще о стремлении к мировому господству.

1. Карл Хаусхофер

Список тех, кто рассматривал вопрос об оккультном влиянии на Гитлера, открывает Луи Повель: в 1954 г. он выпустил книгу “Мсье Гурджиев”, где не только сообщил о путешествиях Хаусхофера в Тибет, но и утверждал, что тот был связан с Гурджиевым и в 1923 г. основал “Группу Туле”, членами которой впоследствии были также Гитлер, Гиммлер, Розенберг и Геринг. В вышедшем в 1974 г. немецком переводе Повель снял этот пассаж⁷, и по очень простой причине: можно доказать, что все эти утверждения не соответствуют фактам, поскольку Хаусхофер никогда не бывал в Тибете, не основывал “Общество Туле” и не числился среди его членов, а само это общество было создано отнюдь не в 1923 г.

Но почему же в такого рода измышлениях фигурирует именно Хаусхофер? Версия о “маге Хаусхофере” строится главным образом на трех фактах: перед первой мировой войной Хаусхофер (1869—1946) много путешествовал по Восточной и Южной Азии, в 1909—1910 гг. он находился в Японии, куда был командирован генеральным штабом баварской армии; там он изучал японский язык и стал знатоком древней и новой Японии⁸. На этом и основываются

⁵ См. *Trevor Ravenscroft, The Spear of Destiny, London 1972.*

⁶ См. *Wilfried Daim, Der Mann, der Hitler die Ideen gab.*

⁷ Ср. *Louis Pauwels, Gurdjiew der Magier, Bern 1974, S. 47*

⁸ По пути в Японию Хаусхофер посетил Индию — там он познакомился со Стефаном Цвейгом. — Бирму и Малаю. В Германию он вернулся по железной дороге через Сибирь. Его отчеты о состоянии японской армии (Хаусхофер не занимал пост военного атташе) хранятся в Баварском военном архиве в Мюнхене.

утверждения о пребывании Хаусхофера в Тибете: ведь тот, кто был в Японии, вполне мог посетить и Тибет. Второй реальной основой служит тот факт, что Рудольф Гесс, в 1924—1933 гг. исполнявший обязанности личного секретаря Гитлера, а в 1933—1941 г. занимавший в НСДАП пост его заместителя, слушал лекции Хаусхофера. В 1923 г., после провала “пивного путча”, тот предоставил ему убежище, а затем помог бежать в Австрию. Позднее Гесс вернулся в Баварию, где его приговорили к весьма незначительному сроку тюремного заключения, который он тоже отбывал в крепости Ландсберг. Там Гесс помог Гитлеру записать “Майн кампф”. Хаусхофер неоднократно посещал в Ландсберге своего студента и снабжал его книгами и статьями по вопросам геополитики. На эту же тему Хаусхофер несколько раз в присутствии Гесса беседовал с Гитлером.

Неопровержимо доказан, однако, тот факт, что Хаусхофер старался разъяснить Гитлеру роль географических факторов в политике и, согласно его последующим высказываниям, был глубоко убежден, что Гитлер так ничего и не понял⁹. И в-третьих, тезис о маге Хаусхофере и его оккультном воздействии на Гитлера зиждется на сонете, написанном его сыном Альбрехтом Хаусхофером (1903—1945) в тюрьме Моабит, куда нацисты бросили его за причастность к заговору 20 июля 1944 г. Приводим текст сонета:

Восток нам мудрость сказки подарил,
Открыв, как демонов — клеветов зла —
Пучина вод в сосуде погребла,
Который Богом запечатан был.

И лишь однажды в десять сотен лет
Позволит Бог, оберегавший нас,
Найти сосуд. Коль в глубь его тотчас
Вернуть, то зло не вывется на свет.

Сей жребий моему отцу вручила
Судьба, так было суждено.
Отец низвергнуть духов мог на дно,

⁹ Новые данные об этом можно найти в протоколах допроса Хаусхофера офицерами американской армии в октябре 1945 г. в Нюрнберге. См.: *John Toland, Adolf Hitler, Bergisch Gladbach 1974, S. 272.*

Но зла дыхания не различил он,
Сломал печать, и духи без числа
Рванулись в мир, забывший силы зла*.

Здесь нет речи ни о магии, ни о каком-либо непосредственном влиянии на Гитлера. Хаусхофер выпустил “духов” в мир, но ведь он не ощутил “дыхания зла”. В другом сонете — “Ахерон” — о Карле Хаусхофере сказано, что “еще мечтой о власти был он ослеплен”. Таким образом, в трактовке Альбрехта Хаусхофера его отец предстает отнюдь не магом и провидцем, а, напротив, человеком, не сумевшим провидеть последствия своих поступков и виновным в том, что он не низвергнул “духов... на дно”.

Стихотворения, в особенности насыщенные аллегорическими образами, нуждаются в истолковании. Кто тот злой демон, чьего дыхания не ощутил Карл Хаусхофер? Имеется ли в виду вышеупомянутый демон — вдохновитель Гитлера, или же это идеология жизненного пространства? Ведь Гитлер был не только убежденным ее сторонником, но и всецело руководствовался ею в своей политической деятельности. В известной степени можно доказать, что Гитлер действительно находился под влиянием геополитических идей жизненного пространства в духе Х. Маккиндера** и К. Хаусхофера. Об этом свидетельствуют как “Майн кампф”, так и высказывания Гитлера от 5 ноября 1937 г., зафиксированные в так называемом “протоколе Хосбаха***”.

Итак, тезис о духовном влиянии Хаусхофера на Гитлера безусловно подкрепляется значением гитлеровской политики завоевания жизненного пространства, которая привела к империалистической экспансии нацистского рейха, и прежде всего к нападению на Россию. Разумеется, у истоков этой политики стоит не только Хаусхофер: уже в годы первой мировой войны подобные планы обсуждались как военные задачи Германии; идея обеспечения жизненным пространством народа из арийской расы господ полно-

* Перевод Е. Пучковой.

** Х. Маккиндер — английский географ, в начале века выдвинувший концепцию, согласно которой определенные территории играют роль “сердца Земли”.

*** Полковник Хосбах занимал тогда должность адъютанта Гитлера.

стью отвечала миропониманию Гитлера, в основном сформировавшемуся еще до встречи с Хаусхофером.

Версия об оккультном влиянии Хаусхофера на Гитлера выстроена на песке, ибо не имеет под собой исторических доказательств. Можно даже сказать, что ее поборники решили вообще не приводить никаких документальных материалов. Пребывание Хаусхофера в Японии позволяет им выдвинуть предположение, что он посетил некий предполагаемый там оккультный центр. Визиты Хаусхофера в крепость Ландсберг — согласно Повелю, он якобы ежедневно проводил там по нескольку часов — без всяких на то оснований превращаются в оккультные контакты, инспирированные “Обществом Туле”, хотя, как уже отмечалось выше, Хаусхофер никогда в это общество не входил. И, наконец, сонет его сына используют в качестве письменного доказательства этого тезиса.

На самом деле сонет отражает конфликт между отцом и сыном, в основе которого — принципиально разные оценки политической ситуации. Когда после событий 20 июля 1944 г. Альбрехта Хаусхофера арестовали и посадили в концлагерь Дахау, отец поначалу вообще отказал сыну в правовой поддержке: “А с какой стати? Он предал свою страну и народ и не заслуживает моей помощи”. Лишь по настоянию третьих лиц он пошел на уступки “ради спасения чести семьи”¹⁰. Человек, который мог так думать и высказываться зимой 1944—1945 гг., несомненно был “мечтой о власти ослеплен”, но отнюдь не был ни магом, ни ясновидящим. Карл Хаусхофер — просто теоретик геополитики.

Характерная особенность “оккультной” версии заключается в том, что она в принципе неопровержима, ибо “оккультное” по сути своей оккультно, т. е. сокрыто, и кто знает, что “оккультно” происходило в крепости Ландсберг во время встреч Хаусхофера и Гитлера? Впрочем, “настоящему оккультисту” вовсе и не нужны “телесные” визиты в крепость: разве он не мог посещать Гитлера ночью, в астральном облике? Разве не достаточно самой что ни на есть мимолетной встречи: пронизывающий взгляд в глаза — и

¹⁰ James Douglas-Hamilton, *Geheimflug nach England*, Düsseldorf 1973, S. 191.

Гитлер раз навсегда зачарован и пленен? Пожалуй, можно бы привести еще один аргумент в пользу оккультного влияния Хаусхофера: единственного свидетеля этих встреч, Рудольфа Гесса, до сих пор неизвестно ради чего держат в тюрьме Шпандау*. Хотя возможны и другие объяснения, например: русские таким образом имеют пост в Западном Берлине, ведь их солдаты, регулярно сменяясь, охраняют тюрьму Шпандау. По крайней мере, если верить Альберту Шпееру**, также отбывавшему срок в этой тюрьме, Гесс страдает душевным заболеванием, а потому не может дать достоверных показаний о событиях 1919—1923 гг. и вообще опасности не представляет.

С другой стороны, люди, близко знавшие Хаусхофера, отрицают это оккультное толкование его личности. Еще во время войны геополитик Хаусхофер стал объектом пропагандистских нападок союзников — даже до 1945 г. его изображали таким “серым кардиналом”. Ни один пропагандистский аппарат не может обойтись без подобных “закулисных персонажей”, и как в наши дни существуют “кремлевские астрологи”, которые якобы осведомлены обо всем происходящем за стенами Кремля и уверяют, будто они до тонкостей разбираются во всех влияниях, каким подвержена тамошняя кадровая политика, так и до 1945 г., естественно, не было недостатка в тех, кто заявлял, будто бы именно знает вдохновителей Гитлера. Эти широко распространенные спекуляции, проникшие в годы войны и в пропаганду союзников, считали идейным вдохновителем Гитлера именно Хаусхофера. Однако же люди, хорошо знавшие Хаусхофера, еще до 1945 г. оспаривали эту версию.

Известный еврейский писатель Стефан Цвейг (1881—1942) рассказывает о Хаусхофере в своих опубликованных в 1942 г. мемуарах “Вчерашний мир”, ссылаясь при этом на союзническую пропаганду. Цвейг, который познакомился с Хаусхофером в 1908 г. во время одного из своих путешествий, в частности, пишет: “<...> на пути из Калькутты в

* Р. Гесс скончался в заключении в 1987 г.

** Шпеер Альберт (1905—1981) — придворный архитектор Гитлера и нацистский политик; в 1942—1945 гг. занимал пост министра вооружений и военной промышленности; по приговору Нюрнбергского трибунала отсидел 20 лет в тюрьме Шпандау.

центральную Индию и на речном судне вверх по Иравади я часами общался с Карлом Хаусхофером и его женой. <...> Этот высокий, сухопарый человек с узким лицом и острым орлиным носом дал мне возможность познакомиться с характерными чертами и внутренним миром офицера германского генерального штаба. <...> Хаусхофер <...> происходил из высококультурной, добропорядочной буржуазной семьи <...> и его образование не ограничивалось сведениями из военных наук, а было в отличие от образования многих офицеров всесторонним. <...> На судне он работал весь день, с помощью полевого бинокля изучал каждую деталь ландшафта, вел дневник или делал рабочие записи, учил язык; редко я видел его без книги в руках. Тонкий, наблюдательный человек, он был прекрасным рассказчиком; я многое узнал от него о загадке Востока и, возвратившись домой, еще долго поддерживал дружеские отношения с семьей Хаусхофер”¹¹. Далее Цвейг пишет, как он внимательно следил за судьбой Хаусхофера, как узнал о его контактах с Гитлером, и, рассказав, какое значение имела для Гитлера Хаусхоферова теория жизненного пространства, делает вывод: “Сам Хаусхофер в партии нацистов, насколько мне известно, никогда не занимал видного положения, возможно, даже никогда и не состоял в ней; я в нем отнюдь не вижу, как нынешние скорые на приговор журналисты, демонического “серого кардинала”, который, скрытый за кулисами, вынашивает опаснейшие планы и суфлирует их фюреру. Однако не подлежит никакому сомнению, что вольно или невольно эти идеи больше, чем советы самых оголтелых советчиков Гитлера, способствовали превращению агрессивной политики нацизма из узкого национализма в универсальный”¹¹.

Не менее хорошо о тогдашней обстановке в Мюнхене был осведомлен Эрнст Ханфштенгль, который сперва проложил Гитлеру путь в мюнхенское светское общество, а затем стал начальником отдела иностранной прессы Центрального правления нацистской партии. В 1937 г. Ханфштенгль покинул Германию и в годы второй мировой войны работал советником президента США. Знаток геополитики

¹¹ Stefan Zweig, Die Welt von Gestern, Frankfurt o. J., S. 220—224. — Русск. пер.: Цвейг Стефан. Вчерашний мир. М., 1991, с. 181—184 (перевод Г. Кагана).

тической доктрины, Ханфштенгль пишет в этой связи: “Но мне не хотелось бы создавать впечатление, будто, высказав это замечание, я разделяю абсурдную точку зрения тех, кто ныне рассматривает Хаусхоферову геополитику лишь как составную часть преступной и бредовой политики нацистов, а самого Хаусхофера считает нацистом и провозвестником планов Гитлера. Нет ничего фальшивее этих нелепых пропагандистских измышлений”¹².

И, наконец, я специально обратился к младшему сыну Карла Хаусхофера, проф. д-ру Хайнцу Хаусхоферу. Вот что он пишет в связи с готовящимся изданием научного наследия его отца: «Но независимо от этого я уже сегодня могу сказать Вам, что тщательное изучение совокупного научного наследия Карла Хаусхофера как в Федеральном архиве, так и в семейном, хранящемся здесь, в нашей усадьбе, не выявило ничего хоть сколько-нибудь затрагивающего “комплекс мага” <...> не говоря уже о том, что мы, молодое поколение — я и мой весьма критически настроенный брат Альбрехт, — при тех близких отношениях, которые связывали нас с родителями и позволяли нам обща обсуждать как частные, так и политические проблемы, не могли бы не знать о такого рода связях»¹³.

Те, кто муссирует версию Хаусхофера-мага, должны подкрепить ее по-настоящему вескими аргументами; в противном случае вывод совершенно однозначен: версия о необычайном влиянии Хаусхофера на Гитлера, скорее всего, возникла в годы второй мировой войны и представляет собой типичную пропагандистскую “утку”; в 1954 г. ее подхватил Повель, присочинил историю о путешествии Хаусхофера в Тибет и его встречах с Гурджиевым и, наконец, в книге “Утро магов” (1962) украсил совсем уж фантастическими подробностями. Другие авторы — например, Брондер и Равенскрофт — просто заимствовали ее у Повеля, добавляя все новые и новые детали, частично основанные на неверно интерпретированных фактах, частично полностью вымышленные, и создали таким образом новый литературный жанр —

¹² Ernst Hanfstaengl, Zwischen Weißem und Braunem Haus, München 1970, S. 212.

¹³ Из письма проф. Хайнца Хаусхофера автору от 18 декабря 1977 г.

этакие оккультные horror-stories*, которые в наши дни пользуются в Англии и США огромной популярностью.

2. Зеботтендорф и “Общество Туле”

Не в пример пребыванию Хаусхофера в Тибете “Общество Туле” существовало на самом деле. И сразу же возникает вопрос: каков был его характер и какими методами оно действовало? Была ли у его членов возможность влиять на Гитлера? Большинство историков — такие, как Вернер Мазер и Георг Франц-Виллинг, — почти всецело полагаются в своих публикациях на материалы Зеботтендорфа о деятельности его лично и “Общества Туле” в 1918—1919 гг., которые он приводит в своей книге “Перед приходом Гитлера”, вышедшей в 1933 г. обстоятельное исследование англичанина Э. Хау, посвященное личности Зеботтендорфа, пока не опубликовано; Герман Гильбхард, занимавшийся изучением “Общества Туле”, также не закончил свою работу. Вместе с тем недавние научные публикации позволяют более или менее полно обрисовать деятельность самого Зеботтендорфа и “Общества Туле”, особенно если наряду с другими документами обратиться и к почти автобиографическому роману Зеботтендорфа “Талисман розенкрейцера”. Прежде всего следует отметить, что этот роман — во многом безусловно плод фантазии автора, однако же там в диалогической форме изложены начала астрологических теорий Зеботтендорфа, а самое главное — в нашем контексте именно это и представляет интерес, — роман написан в 1925 г. и с совершенно иной целью, чем вышедшая в 1933 г. книга “Перед приходом Гитлера”. Разумеется, этот роман, в котором Зеботтендорф вывел себя под именем Эрвина Торре, затушевывает и искажает кое-какие факты, но основная его часть, охватывающая период 1918—1919 гг., содержит много ценного материала, и трактуется этот материал совсем не так, как в 1933 г.¹

* Романы ужасов, “ужасники” (англ.).

¹ В написании этой главы мне очень помог г-н Э. Хау, который основательно проработал весь связанный с Зеботтендорфом комплекс проблем. Роман Рудольфа фон Зеботтендорфа “Талисман розенкрейцера” вышел в 1925 г. в издательстве “Йоханнес-Баум-Ферлаг” (Пфуллинген), профиль которого определялся Новодуховным движением и которое во многом это Движение

В книге “Перед приходом Гитлера” (1933) Зеботтендорф стремится изобразить себя и “Общество Туле” предшественниками НСДАП, и потому “Общество Туле” предстает в его подаче как крайне антисемитская организация, из которой, помимо мюнхенского Гражданского ополчения и добровольческого корпуса “Оберланд”, вышла и НСДАП. В политической ситуации 1933 г. имело смысл провозгласить себя “отцом-основателем” такого рода движений. В 1925 г. Зеботтендорф пишет о себе с сожалением: “Он, поборник прав человека, все больше шел на поводу у антисемитов, все сильнее запутывался в их сетях”². Столь различное освещение тогдашних событий в этих двух книгах позволяет нам — при использовании дополнительных источников — составить достаточно полное представление как об авторе, так и об “Обществе Туле”.

Сперва несколько слов о “бароне Рудольфе фон Зеботтендорфе”. Родился он 9 ноября 1875 г. в Хойерсверда (Верхний Лаузиц) в семье паровозного машиниста Рудольфа Глауэра. Примерно в 1908 г. Зеботтендорф-Глауэр эмигрировал в Турцию. Возможно, он просто хотел избежать ареста, поскольку Берлинская прокуратура выдвинула против него обвинение в подделке документов и мошенничестве³. В 1911 г. Глауэр получил турецкое гражданство и приблизительно в 1913 г. под именем барона фон Зеботтендорфа вернулся в Германию, быстро сменил место жительства, но в 1917 г. был арестован за проживание под чужим именем⁴. Сам он утверждал, что в Турции его усыновил барон Генрих фон Зеботтендорф, хотя, скорее всего, этот человек вообще не существовал. В конце концов Зе-

пропагандировало Книга “Перед приходом Гитлера” была выпущена в 1933 г мюнхенским издательством “Дойкала-Ферлаг”; тираж ее второго издания был конфискован по приказу властей. Далее, я обращался к нижеследующим работам *Hellmuth Auerbach*, *Hitlers politische Lehrjahre und die Münchener Gesellschaft 1919—1923*, in *Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte* 25 Jg 1977, S 145, *Ernst Deuerlein*, *Der Aufstieg der NSDAP in Augenzeugenberichten*, München 21974, S 46—134, *Heinrich Hillmayr*, *Roter und Weißer Terror in Bayern nach 1918*, München 1974, *Albrecht Tyrell*, *Vom “Trommler” zum “Führer”*, München 1975, *Werner Maser*, *Adolf Hitler*, München/Eßlingen 61974, S. 149—175, *Georg Franz-Willing*, *Ursprung der Hitlerbewegung*, Preußisch Oldendorf 21974, S 38—48

² *Sebottendorff*, *Der Talisman des Rosenkreuzers*, S 101

³ *Heinrich Hillmayr*, *Roter und Weißer Terror*, München 1974, S 183

⁴ *Sebottendorff*, *Talisman*, S 87 f

боттендорфа освободили — вероятно, потому, что у него был турецкий паспорт. В 1916 или 1917 г. Зеботтендорф вступил в отколовшуюся от “Ордена германцев” организацию, во главе которой стояли Поль и Фреезе. Члены этого антисемитского “ордена” использовали псевдомасонский ритуал (посвятительное собрание-ложе). По словам самого Зеботтендорфа, в октябре 1917 г. он перебрался в Мюнхен⁵ и 1 июня 1918 г. снял в гостинице “Времена года” пять больших, пустовавших тогда клубных комнат, зарезервированных за неким спортивным обществом. Здесь-то летом 1918 г. и было основано “Общество Туле”, на первых порах считавшееся внешним отделением “Ордена германцев”. 17 августа после “церемонии посвящения” в него были приняты 30 первых членов, каждый из которых обязан был засвидетельствовать свое арийское происхождение. В остальном же на первых порах, похоже, ограничились лекциями о рунах, во многом выдержанными в традициях Гвидо фон Листа.

В 1933 г. Зеботтендорф утверждает, что 9 ноября 1918 г. выступил перед членами “Общества Туле” с докладом, однако же в 1925 г. он пишет, что в начале и середине ноября 1918 г., “когда ноябрьский ветер смел прогнившее здание материализма”*, заболел гриппом и лежал с температурой в постели. В 1933 г. он даже приводит текст тогдашней своей речи, которая по сути ничем не отличается от статей, написанных Зеботтендорфом в 1918 г.:

“Дорогие братья и сестры! Мы пережили вчера крах всего, что было нам близко, знакомо и дорого. Вместо князей, состоящих с нами в кровном родстве, воцарился наш смертный враг — иудей! Над всеми нами нависла угроза, ведь мы сражаемся с врагом, который ненавидит нас так, как только может ненавидеть еврейская раса — око за око, зуб за зуб! Мы называем себя “Орденом германцев”, ибо нам свойственно исконное качество германцев — верность. Наш бог — Отец воинов**, и руна его — руна орла! Вчерашняя революция, совершенная представителями низ-

⁵ Ibid., S. 99.

* Имеется в виду Ноябрьская революция, в результате которой в Германии установилась Веймарская республика.

** Отец воинов—одно из имен Водана, верховного бога германского пантеона.

шей расы с целью погубить германцев, есть начало очищения...”⁶ Таким образом, идеологические постулаты “Общества Туле” — и здесь версии, изложенные в обеих книгах Зеботтендорфа, совпадают — сводятся к восхвалению “германского духа”, толкованию рун и антисемитизму. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что речь шла исключительно о пропаганде животного антисемитизма со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Полноты ради следует упомянуть, что в обеих книгах Зеботтендорф занимает крайне отрицательную позицию в отношении антропософии, с которой он, видимо, познакомился в 1914—1915 гг. в Берлине. Судя по всему, его восприятие основывается преимущественно на личном опыте и, возможно, как-то связано с его новым именем. В “Перед приходом Гитлера” встречаются пренебрежительные и несправедливые замечания по адресу Рудольфа Штайнера: он-де еврей по происхождению, поборник коммунистических идей, и тому подобная чушь. В 1933 г. враждебность к Штайнеру и антропософии уснащается лживыми аргументами из арсенала реакционеров и крайних националистов. Не исключено, однако, что она имеет и другую причину. Зеботтендорф, убежденный приверженец астрологии, возможно, член одной из масонских лож Турции, утверждавший, что у него есть контакты с дервишами и представителями суфизма*, был яростным идейным противником Штайнера. Но в 1918—1919 гг. все это не имело никакого значения и лишь позднее, в 1925 и 1933 гг., проявилось в литературной форме.

Что же представляла собой организация вроде “Ордена германцев”? Сам факт существования этой якобы тайной организации — ее, кстати, открыто рекламировали в печати — объясняется двумя причинами. Во-первых, здесь явно сыграли свою роль любовь мужчин создавать всевозможные союзы и общества, а также их склонность к таин-

⁶ *Sebottendorff, Bevor Hitler kam*, S. 57—60, ср. также S. 79, где воспроизведена статья из “Мюнхнер Beobachter”, опять-таки показывающая Зеботтендорфа ярким антисемитом.

* Суфизм — мистическое течение в исламе, для которого характерно сочетание идеалистической метафизики с аскетической практикой, учение о постепенном приближении через мистическую любовь к познанию Бога и слиянию с ним.

ственным ритуалам и обрядам; во-вторых, все его члены верили во “всемирный еврейский заговор” и считали, что врага нужно бить его же оружием. Тенденция к созданию такого рода организаций получила в те годы широкое распространение. Возникли сотни союзов, кружков, орденов, движений и т. д. — “Орден Вёльсунгов”, “Орден скальдов”, “Немецкий орден”, “Младогерманский орден”, “Ложа Азенбург”, “Всеарийский орден”, “Кружок Остары”, “Оборонительно-наступательный союз германского народа”; руководители их носили пышные титулы великих и просто магистров. Однако по-настоящему опасны были из них лишь очень немногие, например “ОК” (организация “Консул”) — тайное политическое объединение, созданное на основе добровольческих корпусов и организовавшее убийство Эрцбергера*.

В таком контексте и “Общество Туле”, и “Орден германцев” предстают как типичные объединения того времени. Являясь по духу “германским” и антисемитским, “Общество Туле” было просто обязано вести соответствующие “научные исследования”. Поэтому в его рамках (вопреки утверждениям Зеботтендорфа, оно насчитывало отнюдь не 1500, а разве что 100—250 членов и последователей) существовал целый ряд “кружков”. Так, начальник железнодорожной дистанции Дауменланг создал кружок по изучению семейных отношений и геральдики, Вальтер Наухауз — по изучению нордической культуры, а Иоганн Херинг — по изучению древнегерманского права. В наши дни невозможно выяснить, действовали ли эти кружки и присутствовало ли на их заседаниях более трех человек⁷. Однако предметы “научных исследований” вполне однозначно характеризуют этих людей как типичных безобидных любителей пофантазировать на “патриотические” темы. Кроме того, Зеботтендорф сумел задешево купить еженедельную газету “Мюнхнер беобахтер”. Впоследствии она еще несколько раз сменила владельца, и в 1920 г. ее пере-

* Эрцбергер Маттиас (1875—1921) — член германского правительства в октябре-ноябре 1918 г.; 11 ноября 1919 г. подписал от имени Германии Компьенское перемирие и тем самым навлек на себя ненависть консервативных сил. Убит в 1921 г.

⁷ См. об этом: *Franz-Willing, Ursprung*, S. 41.

именовали в “Фёлькишер беобахтер”. В декабре 1920 г., когда газета находилась на грани банкротства, ее приобрела НСДАП, с помощью кавалера фон Эппа и Дитриха Эккарта. Ввиду этого Зеботтендорф в 1933 г. представляет все дело так, будто именно благодаря ему у нацистов появился свой печатный орган.

Фактически деятельность “Общества Туле” в ноябре 1918 — апреле 1919 гг. сводилась в основном к вялым попыткам организовать контрреволюционное движение, поскольку Ноябрьская революция в Мюнхене под руководством журналиста-еврея Курта Эйснера, занявшего в итоге пост премьер-министра Баварии, свергла власть буржуазно-национальных кругов*. Известно, что положение у состоявшего в НСДПГ** Эйснера было очень шаткое и он всячески лавировал, тем самым предоставляя своим противникам определенные возможности как для конспиративной деятельности, так и для открытых выступлений. В такой обстановке “Общество Туле” и осуществило свои первые акции. На выборах в баварский ландтаг партия Эйснера получила всего лишь 3 из 180 депутатских мест. Эйснер направился на открытие сессии ландтага, чтобы заявить о своей отставке, и по дороге был убит правым радикалом графом Арко-Валлеем. Это вызвало новый подъем революционного движения, который, как известно, привел к провозглашению Советской республики. Для антисемитов из “Общества Туле” пролетарская революция была опасна вдвойне: как буржуа, они боялись коммунистов, а как антисемиты, видели, что большинство среди вождей революции составляли евреи — Курт Эйснер, Эрих Мюзам, Жаффе, Толлер, Ландауэр, Левин, Левине и Аксельрод.

Особенно на начальном этапе революции занимаемые “Обществом Туле” комнаты в отеле “Времена года” стали местом встреч представителей буржуазных, пангерманских и антисемитских кругов, и, конечно же, туда сумели проникнуть агенты, чтобы собрать сведения о характере дея-

* Все сказанное относится исключительно к Баварии.

** Созданная в апреле 1917 г. Независимая социал-демократическая партия Германии выражала интересы центристской оппозиции в рабочем движении. Вместе с тем в нее входили многие приверженцы революционных методов борьбы.

тельности “Общества Туле”. Во всяком случае, там бывали издатель и книготорговец Леман, школьный советник городского магистрата Ромедер, Франц Даннель и, по всей видимости, студенты Рудольф Гесс и Альфред Розенберг. В декабре 1918 г. в этих комнатах обсуждали формирование отрядов Гражданского ополчения, предназначенных для защиты буржуазного строя и частной собственности. В апреле 1919 г., как пишет Зеботтендорф, сотням людей были розданы бесплатные проездные билеты, чтобы они могли добраться до Ордруффа и записаться в формируемый полковником фон Эппом добровольческий корпус. Однако достоверность этих сведений ничем не подкреплена. Наконец, Зеботтендорф пишет, что во второй половине апреля 1919 г. он лично ходатайствовал в Бамберге перед правительством Гофмана о разрешении на формирование добровольческого корпуса “Оберланд”. Разрешение было получено 19 апреля, а 22-го майор фон Бек начал в Айхштетте формировать этот корпус.

Несмотря на свою “патриотическую” деятельность, Зеботтендорф, похоже, каким-то образом вызвал возмущение в консервативных кругах, которые выдвинули против него множество обвинений. В начале мая, после свержения советской власти, он еще раз ненадолго появляется в Мюнхене, где семь членов “Общества Туле” были взяты заложниками, а затем расстреляны. В своих позднейших публикациях Зеботтендорф всячески подчеркивает, что призывал своих соратников к максимальной осторожности, и недвусмысленно заявляет, что на заключительном этапе существования Советской республики не имел ни малейшей возможности распоряжаться финансами “Общества Туле”: отсюда достаточно ясен характер выдвинутых против него обвинений. Далее, оставалась еще и проблема чужого имени. Поэтому Зеботтендорф в середине — конце мая покинул Мюнхен и переехал сначала в Констанц, затем в окрестности Фрайбурга-им-Брайсгау, а в итоге оказался в Бад-Сакса, где предстал перед судом по обвинению в присвоении чужой фамилии и лжесвидетельстве; кроме того, истцы добивались признания его недееспособным. В конце концов ему удалось уговорить проживавшую в Баден-Бадене последнюю носительницу фамилии Зеботтендорф, и та усыновила его. В

1924 г. он возвращается в Турцию и в 1933 г., после недолгого пребывания в Германии, вновь уезжает в Стамбул. В годы второй мировой войны Зеботтендорф работает на германскую разведку, однако за то, что поставляет совершенно бесполезные сведения, получает прозвище “хакаваки” — “сказочник”. Совершенно обнищавший и утративший последнюю надежду, Зеботтендорф, которому через несколько месяцев должно было исполниться семьдесят лет, покончил с собой на следующий день после капитуляции Германии. Обо всем этом необходимо помнить, поднимая вопрос о связях Зеботтендорфа с Гитлером. Прежде всего следует подчеркнуть, что сам Зеботтендорф никогда не утверждал, что видел Гитлера, был с ним знаком или имел беседы. Его утверждения сводятся в основном к следующему: во-первых, якобы по его инициативе “Мюнхнер беобахтер” со временем превратился в печатный орган НСДАП — “Фэлькишер беобахтер”, а во-вторых, именно на базе “Общества Туле” возникла Немецкая рабочая партия (ДАП), ставшая предшественницей НСДАП. Что же произошло? Второго октября 1918 г. слесарь железнодорожных мастерских Антон Дрекслер провел в Вагнеровском зале в Мюнхене политический митинг. На нем присутствовал также спортивный журналист Карл Харрер, который то ли состоял членом “Общества Туле”, то ли просто был близок к нему. Как сообщает Зеботтендорф, Харрер руководил в Обществе рабочим кружком. Далее он утверждает, что 18 января в помещении “Общества Туле” Харрер и Дрекслер приняли решение о создании национал-социалистского Немецкого рабочего союза. Это утверждение встречается в обеих книгах Зеботтендорфа. В книге 1925 г. говорится, что “...в этой рабочей комнате выкристаллизовалась идея создания национал-социальной партии. Харрер и Дрекслер первыми поставили вопрос об освобождении от долгового рабства; 18 января стало днем основания партии, которая сперва, разумеется, состояла всего лишь из двух человек”⁸. В 1933 г. Зеботтендорф, не вдаваясь в пояснения и предысторию событий, пишет: “18 января в помещении “Общества Туле” был основан национал-социалистский Немецкий рабочий союз. У него было

⁸ *Sebottendorff, Talisman*, S. 102.

два председателя: Карл Харрер и слесарь Антон Дрекслер”⁹. Здесь нужно отметить следующий факт: предшественником НСДАП был вовсе не Немецкий рабочий союз, а Немецкая рабочая партия, с идеями которой Гитлер познакомился в сентябре 1919 г. и которая была основана отнюдь не 18 января. Согласно достоверным источникам, ДАП основали два с лишним десятка железнодорожников 5 января 1919 г. в пивной “Фюрстенфельдер хоф”. Председателем ее первой и единственной территориальной группы был избран Антон Дрекслер, и, по сохранившимся свидетельствам очевидцев, Карл Харрер на этом собрании не присутствовал¹⁰. “Имперским председателем” Харрера избрали позднее. Подтверждений тому, что Немецкий рабочий союз был основан в помещениях “Общества Туле”, нет, в том числе и у самого Дрекслера, который достаточно подробно описал раннюю историю НСДАП и свое участие в ней. Отсюда можно сделать вывод, что вышеприведенные писания Зеботтендорфа — выдумки чистейшей воды. Не исключено, конечно, что 18 мая 1919 г. в гостинице “Времена года” действительно был создан какой-то рабочий союз, но предшественником НСДАП он отнюдь не являлся. Ко всему прочему в январе 1919 г. никто еще не употреблял термин “национал-социальный”, и столь же невероятным представляется сообщение Зеботтендорфа, что уже в январе 1919 г. на встрече Харрера и Дрекслера речь шла об “освобождении от долгового рабства”. Впервые этот лозунг выдвинул летом 1919 г. на одной из дискуссий Готфрид Федер. Но он — во всяком случае, если верить Зеботтендорфу¹¹, — никогда не был членом “Общества Туле”. Таким образом, совершенно очевидно, что это Общество не стояло у истоков ДАП. Версия об этом была выдвинута позднее, когда НСДАП, возникшая на базе ДАП, стала массовой партией. Попытка представить “Общество Туле” в качестве учредителя НСДАП не имеет под собой почвы.

Остается еще ответить на вопрос: мог ли ефрейтор Адольф Гитлер поддерживать контакты с “Обществом Туле” или лично с Зеботтендорфом? В именном указателе к

⁹ *Sebottendorff*, *Bevor Hitler kam*, S. 81

¹⁰ См также. *Franz-Willing*, *Ursprung*, S. 95, *Deuerlein*, *Aufstieg*, S. 59

¹¹ *Sebottendorff*, *Bevor Hitler kam*, S. 233.

книге Зеботтендорфа “Перед приходом Гитлера” значится: «Гитлер Адольф. Ариец. Участник первой мировой войны 1914—1918 гг. Приглашался на заседания “Общества Туле”»¹². Зеботтендорф использует эту формулу (“приглашался на заседания”), когда непосредственную связь того или иного лица с “Обществом Туле” доказать невозможно или крайне затруднительно, но весьма желательно для подтверждения исторической версии Зеботтендорфа. О Дрекслере и Дитрихе Эккарте тоже сказано, что «они были приглашены принять участие в заседаниях “Общества Туле”». Теоретически, конечно, можно допустить, что Гитлер как-то случайно забрел в помещения “Общества Туле”, но вероятно ли это?

21 ноября 1918 г. Гитлера выписали из госпиталя в Пазевальке — он лежал там со всеми признаками отравления горчичным газом и временно потерял зрение. Через Берлин он выехал в Мюнхен, куда прибыл в начале декабря, и сразу же явился в свою часть — 7-ю роту 1-го запасного батальона на Тюркенштрассе. Об этом периоде его жизни известно очень мало. По словам единственного оставшегося в живых очевидца — Эрнста Шмидта, большую часть времени они проводили в казарме, сортировали в каптерке обмундирование и т. д.: тогда как раз шла демобилизация возвращающихся с фронта солдат. В начале февраля Гитлера вместе со Шмидтом направили охранять лагерь военнопленных в Траунштайне, где они пробыли до 7 марта. Гитлер вызвался охранять военнопленных добровольно, желая, по-видимому, хоть чем-то заняться. На втором этапе революции, когда к власти пришли Советы, он вновь объявляется в Мюнхене и живет в казарме Мюнхен-Обервизенфельд. Относительно его политической концепции в этот период до сих пор идут дискуссии. По некоторым сведениям, он выступал за то, чтобы солдаты соблюдали “нейтралитет”. После взятия Мюнхена Гитлер ненадолго был арестован, якобы за ношение красной повязки. Но буквально через несколько дней ситуация меняется. Гитлера освобождают из-под ареста, и он переходит в подчинение капитана генерального штаба Карла Майра, который ис-

¹² Ibid., S. 241.

пользует его в качестве доверенного лица, то есть попросту говоря — осведомителя. Вскоре для осведомителей, занимавшихся также пропагандистской работой, были организованы особые курсы. 5 июня 1919 г. Гитлера направили на эти политические курсы, размещавшиеся в Мюнхенском университете. К тому времени Зеботтендорфа в Мюнхене уже нет, а “Общество Туле”, лишившись своего создателя, находится на грани полного развала.

Если предположить, что Гитлер контактировал с “Обществом Туле”, то контакты эти могли иметь место только в декабре 1918 — мае 1919 г. Но и тут есть промежутки времени, когда они вряд ли были возможны: февраль — начало марта, когда Гитлер находился в Траунштайне, а также середина апреля — 3 мая, когда Советы не давали “Обществу Туле” активно развернуть свою деятельность. Ко всему прочему возникает еще ряд вопросов: мог ли замкнутый, нелюдимый Гитлер отважиться зайти в довольно фешенебельную гостиницу “Времена года”? И что делать нищему ефрейтору среди богатых буржуа?

Таким образом, версия о том, что “Общество Туле” или сам Зеботтендорф оказывали влияние на Гитлера, способствовали его становлению или даже управляли им, на проверку оказывается весьма и весьма уязвимой: во-первых, нет никаких свидетельств, что Гитлер когда-нибудь бывал в помещениях “Общества Туле”; во-вторых, духовный потенциал его членов исключал возможность совершения ими каких-либо оккультных действий; в-третьих, в 1933 г., утверждая, что Гитлер «приглашался на заседания “Общества Туле”», Зеботтендорф преследовал вполне понятную цель, на самом же деле это весьма и весьма маловероятно.

3. Как прояснить закулисные стороны национал-социализма?

Итак, вполне очевидно, что проанализированные в первых двух разделах версии об оккультном влиянии реально существовавших организаций на Гитлера, по сути, высосаны из пальца и основаны лишь на весьма туманных предположениях, а не на исторических данностях. Но даже если допустить, что в этих утверждениях есть элемент

правды, они все равно ничего не объясняют. В первую очередь потому, что совершенно обходят молчанием и характер этого оккультного влияния, и содержание того, чему Гитлер учился у “магов”. В основном попросту постулируют: “медиум” Гитлер находился под неким оккультным влиянием,— а дальше читатель может дать волю своей фантазии и представить себе все что угодно.

Подобные тезисы имеют ценность и смысл, только когда они детально проработаны и подкреплены документальными свидетельствами,— об этом нужно заявить во всеуслышание. Ведь, если такого рода воздействие на человека или управление им на расстоянии вообще возможны, они представляют собой страшную опасность, от которой необходимо предостеречь будущие поколения. Но такое предостережение ни в коем случае не может носить характер собирательных, расплывчатых подозрений; оно должно четко и внятно изложить, как все это происходит, как функционирует механизм воздействия и как его можно обнаружить — и теперь тоже! Если этого не сделать, ситуация останется неясной, что нагнетает страх и затуманивает взгляд на факты, поскольку буквально во всем будет мерещиться мрачная мистическая подоплека, а в итоге, чего доброго, начнется “охота на ведьм”, жертвой которой станут невинные люди.

Поставив перед собой задачу должным образом раскрыть закулисные стороны национал-социализма, нужно постараться выявить по-настоящему реальные факты. Рудольф Штайнер, внесший немалый вклад в описание духовного контекста истории, следующим образом пишет о деятельности тайных обществ: “Люди полагают, что, произнося слово “тайный” или “оккультный” и указывая на что-либо тайное или оккультное, они привлекают к себе совершенно особое почтительное внимание. Однако же, когда речь идет о внешней реальности, это действует отнюдь не благоприятно. Поэтому нужно показать, как все происходит на самом деле, сослаться на то, что способен понять всякий здравый ум”¹.

¹ *Rudolf Steiner, Die soziale Grundforderung unserer Zeit — In geänderter Zeitlage, Dornach 1963, GA 186, S. 67.*

Если пойти за Штайнером дальше, то в той же самой лекции, из которой мы заимствовали методическое указание, обнаруживается высказывание, существенно сужающее сферу предположений касательно деятельности тайных обществ. Говоря о существовании тайных обществ у “англоязычных народов”, Рудольф Штайнер тотчас добавляет: “Тайные общества у других народов, по сути, всего лишь пустословие”². В другом месте Штайнер крайне резко отзывается о масонстве в странах Центральной Европы: тамошние масоны были “глупцами”, их одурачили³. Когда весной 1919 г. незадолго до создания Свободной вальдорфской школы двое ее будущих преподавателей (Герберт Хан и Карл Штокмайер) собирались на поиски учителей для нее, один из них спросил: что нужно делать, если ненароком столкнешься с представителями оккультных течений Германии? По словам Хана, Штайнер с улыбкой ответил, что беспокоиться незачем, такого рода течений в Центральной Европе нет⁴.

Стало быть, тому, кто хочет отыскать глубинную основу личности Гитлера и всей национал-социалистской доктрины, совершенно незачем обращаться к деятельности оккультных обществ Центральной Европы, ибо сколько-нибудь активных обществ такого рода в данный период попросту не существовало.

Однако исторические факты эпохи позволяют исследователю пойти совсем в другом направлении. Человек, имеющий хотя бы общее представление об истории стран Центральной Европы и национал-социализма в период 1919—1945 гг., сразу поймет, что при попытке объяснить успех Гитлера, его прорыв на авансцену мировой политики никак нельзя ограничиваться лишь самим Гитлером и его партией: уже факт мирового экономического кризиса и наличия в Германии в 1931—1933 гг. свыше 6 млн безработных свидетельствует, что Гитлер разворачивал свою дея-

² Ibid, S 65

³ Rudolf Steiner, *Mitteleuropa zwischen Ost und West*, GA 174a, Dornach 1971, S 122 Аналогичные высказывания есть также в лекциях, прочитанных Штайнером 28 марта 1916 г., 8 января 1917 г. и 20 июля 1919 г. Характерно, что он относит к центральноевропейскому “оккультизму” также “гетеанство” и схожие с ним философские течения

⁴ По сообщению Герберта Хана (Herbert Hahn)

тельность на хорошо подготовленной социальной почве. Далее, следует отметить, что после “захвата власти” в 1933 г. все партии — от коммунистической до Немецкой национальной народной — без мало-мальски серьезного сопротивления незаметно исчезают и что представители двух основных церквей тотчас начинают заигрывать с национал-социализмом: Ватикан заключил конкордат с германским рейхом, а представители евангелической церкви, записываясь в “Движение германских христиан”, восторженно устремились навстречу гитлеризму. Эта духовная капитуляция перед Гитлером отражает такую одурманенность сознания, что необходимо предположить и проанализировать некое второе внутреннее пространство воздействия.

Оба эти пространства, или поля воздействия, создал не Гитлер. Они — предпосылки его деятельности, условия захвата им власти. Аналогичные обстоятельства в 1917 г. способствовали приходу к власти в России большевиков; их анализ содержится в одной из лекций Штайнера. Он констатирует полную несостоятельность буржуазии, эсеров и меньшевиков, которые не выдвинули ни одной конструктивной идеи. Действительно, правительства Львова и Керенского — а именно они были ответственны за положение дел в стране на начальном этапе русской революции с февраля по октябрь 1917 г. — стремились только к продолжению войны, всячески уклонялись от решения насущных проблем и пытались выиграть время. Ни на какие реформы они оказались не способны, никаких конструктивных предложений не внесли. Это еще больше усугубило вызванное войной обнищание народа, а безыдейность правящих кругов создала атмосферу безнадежности, которая подготовила почву для захвата власти большевиками. Вот как характеризует это событие Рудольф Штайнер: “Так возникло безвоздушное, то есть в данном случае безыдейное пространство, и крайне левых радикалов, разумеется, тотчас туда засосало. Ошибочно полагать, что крайне радикальным элементам было предначертано обосноваться в России по причине их собственной сущности. Им это никогда бы не удалось, если бы эсеры и их партнеры по коалиции выдвинули идеи, которые позволили бы им перехватить

инициативу”⁵. Таким образом, основной фактор, обусловивший Октябрьскую революцию Ленина и Троцкого, Рудольф Штайнер характеризует не как “давление”, “нажим”, а как действие вакуума. По всей видимости, успех Гитлера можно объяснить сходными причинами. Духовный и социальный вакуум не просто способствовал усилению его политического влияния, начавшегося в обстановке мирового экономического кризиса и возраставшего по мере увеличения безработицы, но, можно сказать, даже породил его. Более подробному описанию этих своеобразных “пустот”, в которых мог действовать Гитлер, посвящены две главы моей книги, показывающие, что эти ситуации возникли отнюдь не “стихийно”.

Третий фактор, обусловивший взлет Гитлера и характер его последующей политической деятельности,— это его противники и антиподы. Достаточно вспомнить Сталина. Не подлежит сомнению, что коммунист-ортодокс Сталин считал Гитлера врагом, агентом капитала, покончившим с коммунистами не только в Германии; ведь Гитлер, помимо всего прочего, во время Гражданской войны в Испании 1936—1939 гг. оказывал помощь Франко и решающим образом содействовал еще одной победе над коммунистами и установлению фалангистского режима. Тем не менее Сталин как глава государства заключил с Гитлером от имени Советского Союза пакт о ненападении, фактически позволивший Германии напасть на Польшу! И Сталин далеко не исключение. Необходимо более подробно остановиться на такого рода противниках Гитлера.

Анализ взаимоотношений Гитлера с его противниками выявляет весьма своеобразную схему действий. Противники и антиподы Гитлера постоянно предоставляют ему возможность выйти из тупиковых ситуаций и тем самым развернуть активную деятельность. И это их странное взаимодействие вправду окутано плотной завесой тайны. Однако не следует усматривать здесь некий генеральный план, направляемый человеческим интеллектом. Давать этому объяснение весьма рискованно, впрочем, факты говорят сами за себя.

5 Rudolf Steiner, *Geschichtliche Symptomatologie*, GA 185, Dornach 1962, S. 87.

Лишь после данного предупреждения можно обратиться к феномену самого Гитлера. Ни в коей мере не отрицая в целом той роли, которую он сыграл, следует, однако, отдавать себе отчет в том, что такой человек, как Гитлер, мог активно проявиться только в самых чрезвычайных обстоятельствах. Об этом свидетельствует и история Веймарской республики: когда в 1924—1928 гг. политическое и экономическое положение стабилизировалось, доля голосов, поданных за НСДАП, снизилась до 2,6%.

Охарактеризовать Гитлера как личность затруднительно, ибо многие публикации на эту тему грешат тенденциозностью, а бесчисленные карикатуры лишь искажают образ. Вполне достоверно лишь следующее: в 14 лет Гитлер потерял отца, которому было 65 лет. Учился Гитлер плохо и в 16 лет бросил реальное училище. Он мечтал о карьере художника, восторгался музыкой Вагнера, занимался рисунком и живописью, но обе попытки поступить в венскую Академию искусств закончились неудачей. После смерти горячо любимой матери Гитлер, как сирота, получал пособие, а если учесть, что от других родственников он унаследовал небольшие денежные капиталы, то на жизнь ему вполне хватало. Но в 19 лет он был совершенно одинок, не имел ни настоящих друзей, ни тех, кто помог бы ему добрым советом. Когда началась мировая война, двадцатипятилетний Гитлер, ранее всячески уклонявшийся от службы в австро-венгерской армии, идет добровольцем на фронт. Не подлежат сомнению ни проявленное им мужество, ни тот факт, что он и на фронте остался одиночкой, ибо служил пешим связным. Когда Гитлер, уже почти тридцатилетний, возвращается после войны в Мюнхен, у него нет ни профессии, ни каких-либо доходов, ни состояния, ни близких людей. Возможно, он сознает, что все мечты его пошли прахом, а будущее Германии теряется во мраке неизвестности. Самое позднее именно теперь Гитлер начинает видеть в евреях корень всех зол⁶: в мировом масштабе евреи — враги Германии, а в самой Германии прежде все-

⁶ Первую довольно подробную работу по "еврейскому вопросу", вышедшую из-под пера Гитлера и датированную еще 16 сентября 1919 г., см. в кн.: Deuerlein, Der Aufstieg der NSDAP in Augenzeugenberichten, dtv-Taschenbuch 1040, S. 91.

го они и есть “ноябрьские преступники”, виновные в ее поражении.

Если представить себе этого человека, не имеющего ни опоры в жизни, ни средств к существованию, пережившего крах жизненных планов и к тому же одержимого навязчивой идеей — лютой ненавистью к евреям, то становится понятно, что послужило отправным пунктом его дальнейшего развития. Тот образ жизни, который удовлетворял его сокровенным желанием, был для него достижим через выступления на митингах и собраниях — вот какой вывод сделал Гитлер на базе практического опыта, приобретенного летом и осенью 1919 г. Но пока что он был просто оратор — не рабочий, не организатор, не автор оригинальных идей. Но уже в июле 1919 г. на курсах при Мюнхенском университете он обращал на себя внимание, о чем свидетельствует историк Карл Александер фон Мюллер: “По окончании лекции и бурного ее обсуждения я заметил в пустеющем зале группу людей, которая вызвала у меня интерес. Стоявший посредине человек со странным гортанным голосом о чем-то азартно рассуждал, а остальные толпились вокруг, заворожено глядя на него. Мне вдруг показалось, что он, держа слушателей в возбуждении, в свою очередь черпает из этого возбуждения энергию. Я видел бледное худое лицо, совершенно не по-солдатски падающую на лоб прядь волос, усики щеточкой и поразительно блестящие глаза”⁷. К. А. фон Мюллер посоветовал капитану Майру, начальнику Гитлера, присмотреться к этому “природному ораторскому феномену”, и вскоре Гитлера посылают произносить речи перед ожидающими демобилизации солдатами, правда всегда в паре с другим оратором, и отчеты об этих выступлениях неизменно гласили: первого оратора превосходно дополнил “ефрейтор Гитлер, который, позаимствовав из разных докладов отдельные пассажи, в своей чрезвычайно темпераментной, доступной манере разъяснил их слушателям”. 12 сентября 1919 г. Гитлер, уже как доверенное лицо капитана Майра, приходит в пивную “Штернэккерброй” на собрание Немецкой рабочей партии и, выслушав долгие и нудные разглагольствования

⁷ *Karl Alexander von Müller, Mars und Venus, Erinnerungen 1914—1919, Stuttgart 1954, S. 338 f.*

инженера Готфрида Федера, вступает в дискуссию; своей краткой речью он производит настолько сильное впечатление, что председатель партии Антон Дрекслер шепчет на ухо соседу, паровозному машинисту Лоттеру: “Ну и говорунов, нам такой может здорово пригодиться”, — и заманивает Гитлера в ДАП. 16 октября 1919 г. Гитлер вновь выступает как второй оратор — на сей раз в пивной “Хофбройкеллер”, и впервые о его выступлении публично объявлено заранее. “Я говорил тридцать минут, и если раньше я это лишь предчувствовал, то теперь сама жизнь доказала мне: я могу проносить речи!” Этот эпизод, к которому Гитлер неоднократно возвращается в своей книге “Майн кампф”, пожалуй, может служить ключом к пониманию его личности. Он стремится развить свой успех на ораторском поприще: 12 и 26 ноября 1919 г. в пивной “Эберльбройкеллер” собралось уже без малого 300 человек, а 24 февраля 1920 г. Гитлер вслед за известным тогда антисемитом произнес речь в банкетном зале “Хофбройкеллера” чуть ли не перед двумя тысячами слушателей.

Что же происходило на этих выступлениях, о которых не только рассказывали очевидцы, но и существовали весьма подробные полицейские отчеты? Гитлер всегда ориентировался на слушателей, буря восторга показывала ему, где он добился успеха. При этом он апеллировал к низменным инстинктам, к подспудной зависти и ненависти, злобно обрушивался на евреев, на Эрцбергера, на Версальский договор, спекулянтов и тех, кто нажился на войне. Язык Гитлера был предельно прост и полон пафоса враждебности. В остальном же известно, что в тот период Гитлер, по сути, не работал, скорее, он вел богемный образ жизни. Об этом пишет Эрнст Ханфштенгль в своей книге “Между Белым и Коричневым домом”.

Здесь я рискну выдвинуть версию, что, произнося речь и выкладываясь перед беснующейся публикой вплоть до полного изнеможения, Гитлер проходил своего рода инициацию*.

Разжигая ненависть и провоцируя агрессию, Гитлер погружался в глубины настроения и инстинктов масс. Не обла-

* Здесь: посвящение.

дая волей, которая вырабатывается трудом, профессией или межчеловеческими обязанностями, он почти неосознанно шел на поводу у своей аудитории и одновременно сам влиял на нее, возбуждая и приводя в экстаз. Два мира вступали в контакт, пытались постигнуть друг друга, прощупать настроение и т. д., и Гитлер становился органом этих двух миров. Такова первая стадия этой инициации. Как будто бы вполне безобидная; возможно, в первичных своих формах она и была безобидна, но когда речь произносится перед двумя тысячами человек и в массовом "слиянии" нагнетается ненависть к евреям или французам, к "ноябрьским преступникам" и "военным спекулянтам", то возникает состояние одурманенности, полностью подавляющее в каждом его "я" и пронизывающее все помыслы ненавистью. Частица этой всепоглощающей, ариманической ненависти выражается в идее борьбы за существование и борьбы рас, которую неустанно проповедовал Гитлер. Эта борьба произведет среди людей естественный отбор и выведет расу "белокурых бестий", обладающих столь желанными для Гитлера качествами, как жестокость, выносливость, хитрость и беспощадность. Гитлеру очень хотелось, чтобы среди людей шла такая же борьба за существование, как среди животных. Эту цель и преследовал его *зоологический антисемитизм*.

В лекции, прочитанной 13 марта 1920 г. в Штутгарте, Рудольф Штайнер особо подчеркнул, что в современном цивилизованном мире практикуются три формы *посвятельного знания*. Две из них действуют через человеческое сознание, хотя применяющие их люди не всегда вполне понимают их суть. Руководители подобных групп намеренно тренируют себя и своих последователей с расчетом на оккультное их воздействие. Таким путем идет, например, орден иезуитов, начальные упражнения которого достаточно хорошо известны. Впрочем, одно только знакомство еще ни о чем не говорит: ведь главное здесь — сама практика этих упражнений. Посвятельное знание второго типа распространено в оккультных обществах. Здесь с помощью символов, жестов и определенных слов воздействуют на эфирное тело человека, особым образом этого человека препарируя. Для нас же наибольший интерес

представляет третья форма инициаций, которая, согласно Рудольфу Штайнеру, не затрагивает человеческое сознание. Штайнер формулирует свою мысль так: "Своеобразное инициационное знание присуще и ленинизму. Ведь то, что он ухитряется найти для себя рациональные формы выражения, имеет вполне определенную причину. Ленинизм вытаскивает на поверхность развития человечества хитроумие животного начала. Все, что вытекает из человеческих инстинктов, из эгоизма, обретает в ленинизме и троцкизме интерпретации и формы, внешне представляющиеся весьма разумными: Животное начало стремится выбраться наверх и формировать человека посредством ариманических сил, стремящихся изгнать специфически человеческое, и посредством хитроумия, накопленного в животной эволюции. <...> И если вы соберете воедино весь "разум" животности <...> чтобы влить ее в умы тех, кто руководится одними лишь эгоистическими инстинктами, то поймете: в утверждениях, что Ленин, Троцкий и им подобные суть орудия ариманических сил, возможно, есть зерно истины. Это — ариманическая инициация, принадлежащая к совершенно иной сфере мира, нежели наша. <...> Из трех зиждующихся на инициациях течений два лежат в русле развития человечества, а одно — вне и ниже его, но именно последнее обладает невероятно мощным, почти беспредельно мощным волевым зарядом"⁸.

С Гитлером, судя по всему, происходило нечто подобное: произнося речь, он почти или даже совершенно бессознательно тренировал свою волю. Как уже сказано выше, эта воля инстинктивно выявляет настроение партнера, т. е. публики. И ей это удается тем легче, поскольку она ничем не связана — ни работой, ни человеческими симпатиями, ни даже местом действия. И все, что эта воля выявляет, чувствует и нащупывает, инстинктивно преобразуется в голове Гитлера, превращаясь в его ораторское поведение, в его мысли и ораторскую тактику. Исходившие от Гитлера волевые импульсы, на мой взгляд, и стали позднее воспринимать как ту самую силу внушения, о которой так много

⁸ Rudolf Steiner, *Gegensätze in der Menschenentwicklung*, Dornach 1967, GA 197, S. 60 f.

говорили и говорят. Но стоило Гитлеру столкнуться с ясным, незамутненным сознанием, и он сразу же утрачивал эту силу. Рассказывают, например, что однажды во время войны Гитлер ошеломил верхушку генералитета и адмиралов, буквально засыпав их точными сведениями о тоннаже и вооружении вражеских флотов. Когда же двое молодых офицеров прервали этот словесный поток и с цифрами в руках доказали, что приводимые им сведения неверны, Гитлер замолчал и, раздосадованный, покинул помещение, даже не попытавшись доказать свою правоту.

Однако обычно как раз перед выступлениями Гитлера ясное, незамутненное сознание специально притуплялось соответствующим антуражем: вначале выступали другие ораторы, зачастую утомлявшие публику скучной манерой изложения, затем гремели марши, после перерыва следовали разного рода торжественные построения, парады и вновь речи, объявления и прочее, утомительное для публики и нагнетавшее напряжение, а потом, когда аудитория, так сказать, созревала, Гитлер выступал с речью, которая опять-таки отличалась постепенным взвинчиванием — от вроде бы разумного начала, исторического экскурса до иступления, которое так хорошо знакомо по пластинкам и кинохронике. Но апелляция к ненависти, зависти и мстительности, разжигание низменных инстинктов — словом, апелляция к животному началу везде и всегда оставалась сутью пропагандистских выступлений Гитлера. С его помощью из бездн человеческого существа поднимался зверь. Тщательное изучение биографии Гитлера позволяет выявить этапы этого процесса. Первый этап завершается в 1923—1924 гг., точнее 1 апреля 1924 г., мюнхенским судебным процессом. Гитлер попадает в крепость Ландсберг. 20 апреля ему исполняется 35 лет. Время, проведенное в заключении, работа над книгой позволили ему осмыслить прежние поступки, и через год, выйдя на свободу, он старается вести себя несколько иначе. У премьер-министра Баварии Хельда, которому он нанес визит 4 января 1925 г., создалось впечатление, что бестия укрощена; Ханфштенгль — в 1924 г. Гитлер провел в его доме Рождество — также отмечает, что он стал спокойнее и увереннее. Гитлер решил прийти к власти законным путем. Вдобавок

он мало-помалу сделался вегетарианцем и трезвенником. Первая публичная речь, произнесенная 27 февраля 1925 г., показала, что, как фюрер, он избрал весьма дельную тактику: упрочивать свои позиции, стоя над внутрипартийными спорами и не вмещиваясь ни в какие свары. Повторный запрет на публичные выступления не обескуражил Гитлера — он много разъезжал по стране, вел переговоры, расширял и укреплял партийную структуру и ждал своего часа. Запрет был снят в 1927 г., и все эти три года (1924—1927) Гитлер писал, размышлял, разрабатывал тактику и концепции. Он начал готовить долгосрочные планы; и фактор времени играет отныне весьма значительную роль в его размышлениях. Теперь он уже сознательно использовал свои ораторские приемы, понимал, о чем в данный момент лучше умолчать и как обеспечить своим высказываниям максимальный эффект. Словом, умственное чутье Гитлера стало тоньше, и он строит планы уже на годы и десятилетия.

Но и в волевой сфере происходят изменения. Не то чтобы Гитлер приучил себя часами работать за письменным столом и подчинил свою деятельность жесткому регламенту; нет, он так никогда и не сумел отказаться от божемного образа жизни, был необязателен, непунктуален, совершенно неспособен проводить регулярные совещания и заседания или тщательно изучать документы. Так, например, в 1935 г. состоялось 12 заседаний имперского правительства, в 1936 г. — всего 4, а в 1938 г. — вообще одно-единственное и последнее. Со смертью Гинденбурга* Гитлер начал откровенно пренебрегать служебной дисциплиной. По давней привычке он до полудня вообще не занимался делами, обычно валялся в постели, а во второй половине дня появлялся в своем кабинете, лишь когда предстояли важные переговоры; все прочие государственные дела он решал у себя на квартире или в резиденции на Оберзальцберге, где порой оставался по нескольку месяцев, — решал прямо на ходу, чуть ли не в дверях. Изменились и его кулинар-

* Гинденбург Пауль фон (1847—1934) — немецкий генерал-фельдмаршал, командующий сухопутными силами Германии во время первой мировой войны; в 1925—1934 гг. — президент Германии; 30 января 1933 г. под давлением определенных кругов назначил Гитлера рейхсканцлером.

ные пристрастия, и манера поведения. Гитлер постепенно совсем отказался от мясной пищи, и если раньше он поглощал невероятное количество пирожных, то теперь обуздывал свой аппетит и потреблял их вполне умеренно — правда, иногда любовь к сладкому внезапно брала верх, и тут уж Гитлер ничего не мог с собой поделать. Спиртного он теперь вообще не пил, зато, по рассказам очевидцев, во время своих многочасовых выступлений осушал до двадцати маленьких бутылочек минеральной воды и в итоге обливался потом. Исподволь у Гитлера выработался определенный стиль поведения: на официальных и полуофициальных встречах и переговорах он держался как государственный деятель, в частном же общении был нарочито прост и доступен. Сообщения о вспышках ярости, о бурных сценах, истериках и т. д. множатся в последние годы войны, когда Гитлер оказался в безвыходном положении и почувствовал, что среди офицеров ставки нарастает сопротивление его приказам и директивам.

На мой взгляд, это изменение манеры поведения Гитлера, это “окультуривание” в целом объясняется его тонким чутьем и хитростью; нюх на опасность и перспективные возможности распространился теперь за пределы сиюминутности и ближайшего окружения. Со временем эти качества совершенствуются все больше.

Отсюда и та роль, которую он сыграл в мировой истории, и непрерывная вплоть до 1939 г. серия его “успешных” внешнеполитических акций. Остается вопрос: насколько Гитлер понимал, что он делает, и насколько он руководствовался инстинктами? Я лично склонен думать, что обыденное сознание Гитлера интереса не представляет; в годы войны память его была заполнена производственными показателями, данными о выпуске вооружений и боевом составе дивизий, типами самолетов и т. д. В остальном — даже в войну — он интересуется архитектурой, сооружениями для партийных съездов, реконструкцией столицы рейха и т. п. Ежевечерне Гитлер смотрел по два фильма, высказывая после каждого сеанса свое мнение об игре актрис; в театре он отдавал предпочтение пьесам легкого жанра, рассчитанным на самый невзыскательный вкус. Об

этом свидетельствуют Пиккер* и Шпеер⁹. Стороннее впечатление от поведения Гитлера, видимо, довольно точно описано в книге Раушнинга**, хотя она далеко не во всем может считаться надежным источником: “Тот, кто видел Гитлера, видел его горящие глаза, лишённые глубины и тепла, глаза, жесткий блеск которых как наглухо запертая дверь, тот, кто видел его глаза и другими — потухшими и застылыми, наверняка чувствовал себя не в своей тарелке и невольно думал: этот человек не вполне нормален. Иногда он минут пятнадцать апатично сидел, не говоря ни слова, не открывая глаз, и ковырял в зубах — жуткое зрелище, причем непонятно было, слушает он собеседника или витает мыслями совсем в другом месте. Настоящего диалога с ним никогда не получалось. Он или молча слушал, или сам непрерывно говорил”¹⁰. Нечто в этом роде отмечает и Шпеер: в усадьбе на Оберзальцберге Гитлер фактически целыми днями бездельничал; к примеру, за кофе он “с особым удовольствием произносил бесконечные монологи на всем хорошо известные темы, поэтому общество за столом лишь делало вид, будто внимательно слушает его. Временами Гитлер за собственными монологами впадал в дремоту, и присутствующие тотчас переходили на шепот, надеясь, что к ужину он проснется”¹¹. Вышеизложенное свидетельствует, что обыденное сознание у Гитлера было весьма банально и интереса не представляло. Лишь когда он произносил речи, занимался политической деятельностью, в нем пробуждались инстинкты, а с ними — азарт. Сам по себе Гитлер ничего особенного не представлял — самый

* Пиккер Генри — личный стенограф Гитлера: издал после войны сборник его высказываний, сделанных в узком кругу в 1941—1942 гг. и посвященных самым разнообразным вопросам.

⁹ Ср. подробные описания в кн.: *Henry Picker, Hitlers Tischgespräche, Neuausgabe Stuttgart 1976; Albert Speer, Erinnerungen, Ullstein-Taschenbuch 3026, Berlin 1969.*

** Раушнинг Герман (1887—1982) — видный деятель НСДАП; в 1933—1934 гг. — председатель сената Вольного города Данцига; в 1936 г. бежал в Швейцарию, с 1948 г. жил в США; автор ряда публикаций о нацизме, в том числе книги “Разговоры с Гитлером”.

¹⁰ *Hermann Rauschning, Gespräche mit Hitler, zuerst 1940, erg. Neuausgabe Wien 1973; о том, почему эта книга не может считаться надежным историческим свидетельством, см.: Theodor Schiedler, Hermann Rauschnings Gespräche mit Hitler als Geschichtsquelle, Opladen 1972.*

¹¹ *Speer, Erinnerungen, а. а. О., S.103.*

обычный, заурядный человек; лишь на трибуне, перед публикой, он превращался в грозную фигуру, перед которой трепетал весь мир. Возможно, именно это и есть секрет личности Гитлера: как человек, он был полное ничтожество, но умел обнаружить слабости окружающих, обратиться к самым низменным их инстинктам, пробудить в них ненависть и жить ею. Все дело в том, что со времен подписания Версальского договора, стремительного падения курса марки и роста массовой безработицы в окружении Гитлера накопилось столько зависти, ненависти, отчаяния, а его антиподы и противники, начиная с Гугенберга и кончая Сталиным, соединили в себе столько злобы и слабости, что Гитлер, периодически пребывавший в состоянии апатии и безделья, получал в этой ситуации мощный заряд бодрости и неделями развивал бурную деятельность. Анализу этого окружения и структуры деятельности Гитлера посвящены следующие три главы.

II. Интерпретация истории и политика разжигания кризисов. Стратегии разрушения

I. Пример русской революции

Взаимосвязь между интерпретацией законов истории и конкретной политикой крайне редко становилась предметом научных исследований, хотя можно сразу допустить, что понимание истории заставляет нас смотреть на события современности вполне определенным образом и действовать соответственно этому. Человек, полагающий, что развитие исторического процесса ведет к торжеству свободы, к установлению равноправия и демократии, воспринимает актуальные события иначе, нежели тот, кто видит в истории борьбу за существование и, соответственно, в победе сильнейшего — целесообразный результат естественного отбора.

Два роковых события нашего века особенно ярко демонстрируют взаимосвязь между пониманием истории и политической деятельностью — революция 1917 г. в России, отчетливо выявившая характер мышления и поступков Ленина, и крушение Веймарской республики, которое мы намерены проанализировать здесь. Лишь для большей ясности и чтобы показать, к каким последствиям приводит второй вариант интерпретации истории, скажем вначале несколько слов о русской революции 1917 г.

Через два дня после прибытия в Петроград, т. е. 17 апреля*, Ленин дважды в выступлениях перед партийным активом изложил свои знаменитые “Апрельские тезисы”, в которых сформулировал новые задачи партии и четко определил сложившуюся тогда ситуацию. Первый тезис начинался со следующей фразы: “Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной

* Автор приводит дату по новому стилю; в российской историографии тогдашние даты традиционно приводятся по старому стилю: “Апрельские тезисы” были оглашены 4 (17) апреля 1917 г. и впервые опубликованы в “Правде” 7 (20) апреля.

сознательности и организованности пролетариата, ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата...”

Для Ленина совершенно очевидно, что весь ход истории через буржуазную революцию, охарактеризованную здесь как первый этап революции, с неизбежностью ведет к революции пролетарской, т. е. второму этапу революции. Ленин нисколько не сомневался, что за этим этапом должна последовать диктатура пролетариата, которая положит начало построению бесклассового общества. Ленин ставил цели и разрабатывал политические планы, руководствуясь ориентирами, непосредственно вытекающими из такого понимания истории. Эта интерпретация позволяет оценить и истолковать все единичные факты, все актуальные события, ведь совершенно точно известно, где враг и как должны вести себя истинные друзья. Примитивность данного толкования истории не должна затушевывать его значение. Ленину оно представлялось настолько важным, что в августе — сентябре он продолжал разрабатывать эти идеи и изложил их затем в работе “Государство и революция”. Так схематичный подход к истории определил цель и смысл общественного развития. Теперь каждый знал, что прогрессивно, а что реакционно. Зачастую и противники Ленина начинали мыслить категориями буржуазной и пролетарской революции. Они чувствовали, как на них неудержимо накатывается колесо мировой судьбы, а тем самым их мышление было уже совершенно беззащитно перед Лениным. Его же подобное толкование истории побудило к конкретным действиям; немедленное заключение мира, передача земли крестьянам, национализация заводов и банков стали политической концепцией. Впрочем, надо сразу оговориться, что данная схема имеет смысл лишь в конкретных исторических условиях; далее, очень важно понять, при каких обстоятельствах это схема может быть реализована практически. Первая мировая война, крах царизма, Февральская революция, перебои со снабжением в Петрограде — вот подоплека мыслей и поступков Ленина. Именно на этом этапе быстро сменяющихся друг друга событий, открытых, нерешенных проблем, в минуту распада старых структур появляется возможность вмешаться в ход истории. Ни один буржуазный лидер, начиная с князя Львова

и Милюкова и кончая Керенским, не выдвинул какой-либо новой концепции, а главное — не отважился на решительные действия. И тогда, на этом “смутном” этапе истории, отмеченном обилием критических ситуаций и быстрым развитием событий, Ленин, руководствуясь четкой концепцией, делает решительный шаг и добивается успеха. Он направил историю по пути, который вовсе не был предопределен реальным состоянием дел; своей интерпретацией истории он назначил ход ее дальнейшего развития. Подтверждение тому — Октябрьская революция в мельчайших ее деталях.

2. От упадка культуры к теории “заката Европы”

История Германии в период Веймарской республики также отмечена бурным развитием событий и распадом социальных структур. Изменилась не только форма государственного устройства, а Германия из кредитора превратилась в должника и лишилась по Версальскому договору колоний и армии — прежде всего ускорился процесс социальных изменений: Ноябрьская революция 1918 г. привела к власти тех, кого до 1914 г. даже близко не подпускали к ее рычагам. В условиях инфляции (она, как известно, не уничтожает материальные ценности, а лишь меняет отношения собственности) одни — и их было великое множество — потеряли все и стали нищими, зато другие обогатились. Наконец ускоренная индустриализация порождала наряду с рабочими еще один слой зависимых от нее людей — служащих; вместе с тем давнее, самостоятельное среднее сословие утрачивало значимость. Параллельно происходила смена нравственных норм и культурных идеалов. На перемены такого рода сразу же во весь голос откликнулись тогдашние интерпретаторы истории. В качестве примера приведем типичные высказывания двух наиболее авторитетных ученых. В 1923 г. Альберт Швейцер писал: “Итак, уже для всех очевидно, что полным ходом идет самоуничтожение культуры. И сохранность уцелевших ценностей тоже отнюдь не гарантирована. Они пока держатся, поскольку еще не подверглись сокрушительному напору, уничтожившему все остальное, однако стоят на каменной осыпи, и очередной оползень

может унести их в бездну”¹. Более отчетливо и с политическим акцентом эта мысль звучит во втором томе историко-философского труда Освальда Шпенглера “Закат Европы”. Эпоху, в которой ему довелось жить, он рассматривает как “эпоху перехода от бонапартизма к цезаризму — общую ступень развития, которая охватывает как минимум два столетия и присутствует во всех культурах”². В настоящее время, пишет Шпенглер, с победой парламентаризма этот переход, “собственно говоря, уже завершен”. Партии с их лидерами и пресса, используемая как средство массовой информации, в понимании Шпенглера знаменуют “конец демократии”: “Жизнь взяла свое, и мечты утопистов о преобразовании мира стали орудиями тех, кто по самой природе своей предназначен властвовать людьми. В эпоху поздней демократии на свет рождается раса, которая поработает идеалы или с хохотом сбрасывает их в бездну. Так было в Риме, так было в Китае...”² Шпенглер хочет сказать, что XIX век окончательно канул в прошлое, а с ним завершилась эпоха либерализма, политических партий и парламентаризма. На смену идет эпоха цезарей, диктаторов, которые поведут к вершинам новые расы и народы.

Эти настроения и пророчества на первых порах не стали политической программой, прежде всего потому, что такие люди, как Штреземан*, противодействовали путчистско-кризисным настроениям, порожденным полнейшей безысходностью ситуации, и, введя так называемую рентную марку, приняв план Дауэса** и подписав Локарнские договоры***, добились в стране хотя бы временной стабилиза-

¹ *Albert Schweitzer, Verfall und Wiederaufbau der Kultur, München 1923, S. 2.*

² *Oswald Spengler, Der Untergang des Abendlandes, München 1963, S. 1080, 1081, 1142.*

* Штреземан Густав (1878—1929) — рейхсканцлер (август—ноябрь 1923) и министр иностранных дел Германии с 1924 г. вплоть до смерти в 1929 г.

** План Дауэса (утвержден 16 августа 1924 г. на Лондонской конференции держав — победительниц в первой мировой войне) предусматривал предоставление Германии займов и кредитов для восстановления ее военно-промышленного потенциала.

*** Локарнские договоры 1925 г. подписаны Германией, Францией, Бельгией, Великобританией и Италией о неприкосновенности границ данных государств; способствовали усилению германского империализма, так как Германия не давала никаких обязательств относительно своих восточных границ.

ции. И все же положение не только Германии, но и всей Европы оставалось критическим и шатким. Германия не только жила в кредит, прежде всего на полученные от США краткосрочные займы, а ее сельское хозяйство — особенно в районах к востоку от Эльбы — находилось в затажном кризисе, вызванном резким падением мировых цен, но и политика примирения, столь мужественно начатая Штреземаном, не увенчалась успехом. В конечном итоге и подписание Локарнских договоров ничего не дало. Все это нашло отражение в непрерывном потоке “кризисной литературы”, посвященной духовному кризису (Гертруд Боймер), кризису современной государственной идеи (Альфред Вебер), кризису европейской демократии (Мориц Юлиус Бонн) и проч. Стало чуть ли не традицией начинать любой обзор, статью или книгу формулой: “О том, что мы живем в условиях глубочайшего кризиса, знает любой ребенок”.

Интересно, однако, что феномен кризиса кое-кто оценивает и положительно. Мартин Хайдеггер в книге “Бытие и время” (1927) пишет: “Уровень развития науки определяется тем, насколько она способна породить кризис своих основных понятий. В таких имманентных кризисах теряет устойчивость даже соотношение между конкретными аспектами исследования и его предметом”³. Совершенно очевидно, что именно это свое исследование на тему “бытие и время” Хайдеггер истолковывает как такого рода позитивный кризис философии и сотрясение ее основ. Судя по всему, считалось, что кризис выявляет истину. Запомним эту мысль, ибо с ее учетом легче понять смысл последующих событий.

3. От кризиса парламентаризма к жажде гибели

Принято считать, что крах Нью-Йоркской биржи в конце октября 1929 г. положил начало мировому экономическому кризису, который вскоре перекинулся в Германию и повлек за собой массовую безработицу, крушение мно-

3 *Martin Heidegger, Sein und Zeit, 1927 Tübingen, 101963, S. 9 ff.*

гих банков, президентские диктатуры Брюнинга, фон Папена и Шлейхера и, наконец, захват власти Гитлером. Безусловно, воздействия мирового экономического кризиса со счетов не сбросишь: биржевые котировки в США падают с 216 пунктов (сентябрь 1929 г.) до 34 пунктов (июнь 1932 г.), число безработных в США достигает в 1932 г. 13,2 млн. В Германии число безработных перевалило к тому времени за 6 млн, реальный доход на душу населения снизился с 1453 рейхсмарок (1928 г.) до 1094 рейхсмарок (1932 г.). Общий объем мировой торговли составлял в 1932 г. одну треть от объема 1929 г. Тем не менее ни в США, ни в Великобритании, ни в Нидерландах эти мощные социально-экономические потрясения не вызвали к жизни феноменов, сопоставимых с национал-социализмом. Однако в таких европейских странах, как, например, Италия (1922), Венгрия (1922), Испания (1923), Польша (1926), Португалия (1926), еще до начала экономического кризиса установились фашистские или буржуазно-националистические диктатуры. Стало быть, помимо тяжелейшего кризиса действовали другие факторы, направившие развитие страны после 1929 г. в сторону национал-социализма, хотя такое развитие и не было неизбежностью.

Первый комплекс факторов, которые обычно, говоря о подъеме национал-социализма, упускают из виду, обнаруживается, если проанализировать самосознание тех, кто как истинный демократ и республиканец выступал в защиту Веймарской республики. В этом смысле весьма видной фигурой был Йозеф Вирт — лидер левого крыла партии Центра и депутат рейхстага, который в 1922 г., занимая пост рейхсканцлера, выдвинул после убийства Ратенау лозунг: “Враг — справа!” 15 февраля 1929 г. в еженедельнике “Дойче републик” (“Deutsche Republik”) была опубликована его статья “Конец доверия”, которой был предпослан следующий эпиграф:

Зудящий палец говорит:

Зло большое к нам спешит!

В этой статье Вирт обобщает настроение тех дней, когда резко падает доверие к парламентской системе, которую многие считают больной и полностью прогнившей:

“Весь хаос последних недель — по-другому это не назовешь — есть предвестник фашизма. Никогда еще репутация парламентской системы не падала так низко в глазах граждан!” Таким образом, Вирт говорит о близящемся фашизме, еще когда Гитлер, мелкий неудачник-путчист 1923 г., известен разве что в Мюнхене. За девять месяцев до появления статьи Вирта, на прошедших 20 мая 1928 г. выборах в рейхстаг, НСДАП получила всего-навсего 2,9% голосов.

Через несколько дней — 26 февраля 1929 г. — Густав Штреземан, выступая на заседании центрального правления Немецкой народной партии (ННП), призывал к поддержке пошатнувшегося кабинета Мюллера*, поскольку без парламентской коалиции этот кабинет был просто группой видных лиц. В частности, Штреземан говорит: “Давайте не будем себя обманывать: мы переживаем сейчас кризис парламентаризма, и это уже нечто большее, чем только кризис доверия. Вызван этот кризис двумя причинами: во-первых, полнейшим извращением парламентской системы в стране, а во-вторых, в корне ошибочным подходом парламента к своей ответственности перед нацией”⁴. Далее Штреземан осторожно намекает, что для преодоления парламентского кризиса можно применить ст. 48 Конституции, наделяющую рейхспрезидента особыми полномочиями. Он не оставляет без внимания и распространенные тогда слухи: “По стране ходят слухи, что кое-кто вынашивает противозаконные планы заменить конституционный строй диктаторским режимом, и так далее”. Однако Штреземан опережает события: лишь через 13 месяцев Брюнинг, став рейхсканцлером, применит на практике эту статью Конституции, наделив себя чрезвычайными полномочиями. Итак, видные демократы и республиканцы “заметили приближение фашизма” задолго до того, как он стал реальностью.

Вслед за центристом Виртом и либералом Штреземаном процитируем и социал-демократа. Заведующий ка-

* Мюллер Герман (1876—1931) — рейхсканцлер Германии в 1920 и 1928—1930 гг.

⁴ Текст речи Штреземана приводится в кн.: *Gustav Stresemann, Vermächtnis* Band III, Berlin 1933, S. 428 ff.

федрой государственного права Берлинского университета, ученый с мировым именем Герман Хеллер пишет в своей вышедшей весной 1929 г. книге “Европа и фашизм”: “Европейское государство переживает в настоящее время серьезный и опасный кризис; его форма и содержание срочно требуют обновления. Образцом такого реформирования представляется наряду с большевизмом, о чьих планах мировой революции ныне что-то совсем не слышно, в первую очередь фашизм. У нас есть все основания задать вопрос: что фашизм может предложить политически больной Европе? Давно прошли те времена, когда Муссолини твердил, что фашизм экспорту не подлежит. Мало того что в Испании, Португалии, Греции, Польше, Венгрии и Турции установлены режимы, в большей или меньшей степени сходные с фашистским. И сам итальянский фашизм ныне претендует на то, чтобы определять облик грядущего века. <...> Создается впечатление, что нашей эпохе не удастся политически удовлетворительно сформировать демократию широких масс. Доставшимся от прошлого формам и канонам эта задача не по плечу”⁵. Короче говоря, социал-демократ Хеллер тоже рассуждает о фашизме по меньшей мере как о возможности; вместе с тем он вполне отдает себе отчет в сомнительности и неэффективности демократии парламентского толка. Куда более характерно для всеобщего настроения то, что все высказывания Вирта и Штреземана нашли чрезвычайно широкий отклик. В начале марта 1929 г. газета “Дойче альгемайне цайтунг” (“Deutsche Allgemeine Zeitung”) открыто потребовала принять “Закон о чрезвычайных полномочиях правительства”.

Нетрудно представить себе, что ситуация, толкавшая убежденных сторонников республики на столь критические заявления, заставляла журналистов, людей менее осмотрительных и весьма скептически настроенных по отношению к республике, высказываться куда резче. Яркий представитель этого направления — Ханс Церер, руководивший тогда редакцией ежемесячника “Ди тат”, а позднее, уже в ФРГ, переживший *come-back** в качестве на-

⁵ *Hermann Heller, Europa und der Faschismus, Berlin 1929, S. 5, 7.*

* *Здесь: возвращение на политическую арену (англ.).*

ставника Акселя Шпрингера. В статье “Фронт молодых, слушай команду! Всем стоять в стороне!”, опубликованной в апреле 1929 г.^{5а}, Церер восклицает: “У нас на глазах происходит инфляция государства, точнее, инфляция гражданского доверия к нему; она только начинается, но причины ее так глубоки, что будут сказываться еще очень долго. Вера в государство в его нынешней форме подорвана. Отсюда столь резкое падение его акций”. Далее Церер рисует картину полнейшего упадка и разложения государства, настоятельно советуя не защищать его и не поддерживать, а в конце трактует гибель государства как своего рода грандиозную переплавку: “Теперь можно стремиться лишь к одному — к той переплавке, на которую мы взяли курс, к повторению шанса, упущенного в 1918 г. Причем стремиться не в силу каких-либо деструктивных, революционных и коммунистических тенденций! А потому, что уже различимы контуры нового, грядущего германского рейха; потому, что чуть подсказывает: теперь, когда Запад оцепенел, а Восток пробудился, именно этому униженному, темному германскому народу предстоит выполнить в Европе великую, может быть даже величайшую, миссию; потому, что возникающий в Германии фронт проникнут мистическим предощущением, что близок час, когда свершится великое призвание его народа”⁶.

История понимается здесь как мистический процесс, автор говорит о призвании, но не раскрывает, в чем оно заключается, статья изобилует туманными пассажами, да и впоследствии месяцами и годами будут рассуждать о грядущем, о великом самоочищении эпохи, о предстоящем переломе. Речь постоянно идет о “высших материях”, о грандиозном видении великого рейха, об огромной ответственности перед ним. Надо сказать, таким образом удалось поднять тираж журнала “Ди тат” с 1000 до 30 000 экземпляров⁷. Весьма симптоматичный факт, характеризующий

^{5а} Die Tat, 21. Jahrgang 1929, S. 26.

⁶ См.: Die Tat, 21. Jg. 1929, S. 40; аналогичная тенденция к полному приятию кризиса, который надлежит только углублять, просматривается в статье “Путь к хаосу” (“Der Weg in das Chaos”, in: Die Tat, 21. Jg., S. 563 ff).

⁷ См. также: *Ebbo Demant*, Hans Zehrer als politischer Publizist, Mainz 1971, S. 72.

состояние умов молодой немецкой интеллигенции, которая с большим интересом читала этот журнал и создавала по всей Германии “кружки друзей” “Ди тат”. Цереровское упоение кризисом и саморазложением прежних государственных институтов, пожалуй, еще можно счесть продуктом экзальтированного морализаторства, однако позиция Церера — не в смысле литературной формы, но в смысле практического содержания — демонстрирует опасную близость к основной тенденции национал-социализма. В июне 1929 г. Грегор Штрассер, наряду с Гитлером один из самых видных тогдашних нацистов, в бюллетене “Национал-социалистиче брифе” (“Nationalsozialistische Briefe”) так определил генеральное направление НСДАП: “Мы — революция на марше, та самая революция XX века, которая ниспровергнет основы современного общества и в корне изменит совокупный облик мира. Все, что вредит существующему порядку вещей, встречает у нас поддержку. И поскольку мы желаем катастрофы, к которой, по нашему глубокому убеждению, движется либеральное общество со всеми его институтами, мы не только сами отказываемся вмешиваться в естественный ход событий, но по мере сил препятствуем вмешательству тех, кто мог бы отсрочить эту катастрофу. Словом, мы ведем политику катастроф, ибо лишь катастрофа, т. е. крах либеральной системы, расчистит путь к построению нового общества, которое мы именуем национал-социализмом”⁸.

Здесь политика нацизма прямо названа своим именем — политикой катастроф. Но наряду с Гитлером сторонниками этой политики были также Гугенберг* и союз ветеранов-фронтовиков “Стальной шлем”. Достаточно вспомнить о так называемом “Послании ненависти” — заявлении, принятом в 1928 г. участниками фюрстенвальдского съезда этой организации, в котором открыто провозглашалось: “Мы всей душой ненавидим нынешний государствен-

⁸ Цит. по: *Gerh. Schulz, Aufstieg des Nationalsozialismus*, Berlin 1975, S. 475.

* Гугенберг Альфред (1865—1951) — германский монополист, с 20-х годов финансировал НСДАП; в 1928—1933 гг. председатель крайне правой Немецкой национальной народной партии, в правительстве Гитлера министр продовольствия и сельского хозяйства (1933).

ный строй... Все на борьбу с системой, которая ныне правит государством!" От правых протагонистов политики катастроф не отставали приверженцы КПП, которые также страстно желали гибели демократической республики, — все противники республики в совокупности образовывали весьма значительную группу, которую даже в самый благоприятный для Веймарской республики год представляли в рейхстаге 32% депутатского корпуса.

4. Политика катастроф на практике

Столь сильное возбуждение в умах народа — симптом тревожный, однако, пока оно выражается лишь в программных речах, статьях и книгах, в застойной агитации, нельзя сказать, что оно неизбежно ведет в пропасть. Не имея исполнительной власти, Гугенберг может только желать глубокого кризиса, вызвать его посредством говорильни удается крайне редко. Кризисная концепция обретает решающее значение, лишь когда ею руководствуются те, кто действует. Поэтому стоит подробно остановиться на концепции осуществления кризисной политики, или политики катастроф.

После того как социал-демократы в мае 1928 г. одержали победу на выборах и СДПГ получила в рейхстаге 153 мандата, профсоюзы собрались с духом и принялись строить планы по завоеванию "командных высот в экономике". Под лозунгом "демократизации экономики" они требовали того, что в наши дни называется *участием в управлении хозяйством*. В сентябре 1928 г. конгресс профсоюзов в Гамбурге официально одобрил этот лозунг. Предприниматели, напротив, категорически заявляли, что хозяева на предприятиях они одни, и никто другой, и рассматривали программу профсоюзов как откровенный вызов. Так, на собрании членов могущественного "Лангнамферайна" — объединения предпринимателей Рейнско-Вестфальского промышленного региона — был выдвинут прямо противоположный тезис: пришло время отказаться от оборонительной тактики в социально-политических вопросах, проводившейся с окончания войны, и перейти в наступление. Сторонниками этого курса были Пауль Ройш и

Хельмут Пёнсен; издававшийся исключительно для представителей промышленных кругов бюллетень “Дойче фюрербрифе” (“Deutsche Führerbriefe”) также поддержал борьбу за коренное изменение экономического курса⁹.

Бороться крупные промышленники могли — это стало очевидно уже летом, — лишь осуществляя кризисную политику. В октябре 1928 г. представители северогерманской металлургической промышленности на переговорах о тарифных ставках прямо пошли на конфликт: предприниматели в крайне резкой форме отвергли арбитражное решение, которое министр труда Виссель признал обязательным для сторон и которое предусматривало очень скромные предпринимательские уступки, и немедленно уволили 213 000 рабочих. Таким образом, в последующие недели было потеряно свыше 10 млн рабочих дней. Налоговые поступления в бюджет сократились, позиции профсоюзов и рабочих оказались в значительной мере ослаблены — налицо был серьезный кризис, кроме того, предприниматели разрушили государственный инструмент улаживания конфликтов и добились сохранения рабочей недели, продолжавшейся зачастую свыше 50 часов. Последствия этой политики очень скоро проявились и в других отраслях экономики: уже в январе 1929 г. в Германии насчитывалось 2,85 млн безработных. Первый успех кризисной стратегии выразился в том, что профсоюзы начали отступать по всем позициям.

Еще более глубокими и в конечном счете роковыми были последствия кризисной стратегии в рамках всей социально-экономической сферы. Чтобы ее осмыслить, следует вкратце остановиться на проблеме репараций. Согласно плану Дауэса (1924), Германия начиная с 1928 г. обязалась выплачивать ежегодно 2,5 млрд марок репараций, сумму весьма значительную, если учесть, что валовой общественный продукт Германии составлял тогда 75 млрд марок. План Дауэса предусматривал, однако, охранные меры: в определенных обстоятельствах разрешалось: 1) производить трансферт, 2) временно приостанавливать выпла-

⁹ См. также: *Mitteilungen des Langnamvereins 1928 und die “Deutschen Führerbriefe” vom 30.10.1928.*

ту репараций. Трансферт репараций не производился в случае, когда Германия не могла выплатить необходимые суммы в иностранной валюте. Обычно такие валютные средства изыскивают за счет активного сальдо торгового баланса по экспорту. Однако до 1928 г. Германия ни разу не выплачивала репарации подобным образом. Трансферт стал возможен благодаря кредитам, полученным от США. В ближайшие годы предстояло вернуть кредиты, а потому нечего было и думать, что Германия сумеет из собственных средств выплатить 2,5 млрд марок золотом.

Теперь в Германии за закрытыми дверями вспыхнули жаркие дебаты о возможных способах решить эту проблему. Как известно, в итоге правительство согласилось на новые переговоры, и в 1930 г. был ратифицирован так называемый план Юнга*. Втайне, однако, обсуждался совершенно другой план: опираясь на положения плана Дауэса, вызвать трансфертный кризис и тем самым добиться моратория на выплату репараций. На состоявшейся 15 ноября 1938 г. в Берлине конференции "Общества Фридриха Листа" был выработан меморандум, в котором говорилось: "Совершенно неотвратимым представляется временный, вызванный нехваткой капитала кризис, и создание его никак нельзя назвать авантюристической политикой. Этот кризис "осознания", который заставит мир увидеть ситуацию, сложившуюся вокруг репараций, в истинном свете и, возможно, сделает счета генерального агента по репарациям источником кредитов, — этот кризис для некоторых нетерпим. <...> В результате иностранные кредиторы, вероятно, впадут в панику и займут выжидательную позицию; будут и другие, менее желательные последствия. Но с другой стороны, такой кризис и паника как нельзя лучше продемонстрируют истинный характер репарационных платежей и их губительное воздействие на народное хозяйство. <...> По нашему мнению, надлежит пойти на промежуточный кризис, и сделать это можно, если включить

* План Юнга — назван по имени американского банкира О. Юнга, возглавлявшего разработку; предусматривал снижение годовых репарационных платежей, отмену всех форм и видов контроля над Германией, ее экономикой и финансами, способствовал милитаризации германской экономики. В июле 1931 г. фактически перестал действовать по одностороннему решению правительства Германии. Формально отменен в 1932 г.

защитный механизм (имеется в виду план Дауэса. — *К.Л.*)”¹⁰.

Самое важное в такого рода высказываниях — а их было очень и очень много — заключается в том, что готовность вызвать кризис для осуществления каких бы то ни было целей выражали представители не только тяжелой промышленности, но и других кругов. Подобно тому, как Ханс Церер приветствовал политический кризис как переплавку и очищение и призывал “фронт молодых” “стоять в стороне”, т. е. не работать на благо государства, так и в “экономических” кругах кое-кто стремился создать кризисы “осознания”, чтобы достичь определенных целей.

Я бы не стал приводить здесь такие высказывания, если бы они остались сугубо частными и не возымели последствий. Но подобные заявления делали люди, занимавшие самые высокие посты, и они были претворены в жизнь. Так, например, существует протокол заседания правительства, которое состоялось вечером 1 мая 1929 г. при участии руководителей всех основных министерств. Речь шла о парижских переговорах по проблемам репараций, где Германию представлял президент рейхсбанка Шахт. По этой причине он также участвовал в заседании кабинета и высказался следующим образом (цитируется по архивным материалам, в изложении): “Если он [Шахт] не подпишет соглашения, экономическая жизнь Германии, безусловно, будет в кратчайший срок поражена кризисом; приток иностранного капитала прекратится, трансферт станет невозможен, рассчитывать придется только на скудный собственный капитал и сбережения. Последствиями будут нужда, экономические и социальные потрясения, т. е. самый настоящий кризис. И если его спросят, можно ли избежать этого кризиса, приняв план Юнга, то он лично полагает, что кризиса не избежать, ни при каких условиях. Ситуация в экономике развивается независимо от подписания или неподписания. С подписанием плана Юнга кризис, воз-

¹⁰ Veröffentlichungen der Friedrich-List-Gesellschaft, II. Band, Die Konferenz von Berlin 15. — 17.11.1928, Berlin 1929, S. 453. В Федеральном архиве среди “Документов Шеффера” есть датированный 5 сентября 1928 г. детально разработанный “кризисный план”, в котором даже делается расчет на мировой экономический кризис. Подпись на документе отсутствует, и установить автора невозможно.

можно, отодвинется года на два, но неминуемо грянет, и даже в более тяжелой форме. Куда важнее в нынешней обстановке другое — что это соглашение уже не ввергает нас в нищету на многие поколения; нищета может нас ожидать, если подпись под документом поставят политики, а не экономические эксперты. Если отклонить план, трансфертная защита сработает автоматически; если же подписать соглашение, всякий пересмотр станет невозможен. Данную точку зрения, несомненно, разделяет и г-н Фёглер*. Поэтому он обязан четко и ясно поставить перед кабинетом вопрос, требуется ли в данной ситуации его подпись”¹¹.

Теперь, задним числом, кажется, будто Шахт оказался прав: разве, несмотря на план Юнга, два года спустя кризис не обрушился на Германию с удвоенной силой? Однако такой вывод ошибочен по двум причинам. Во-первых, Шахт никак не мог предвидеть крах Нью-Йоркской биржи и последовавший за ним мировой экономический кризис, который безусловно усугубил тяжесть кризиса германской экономики, а во-вторых — и здесь это самое главное, — именно в связи с планом Юнга в Германии стала фактически осуществляться политика кризисов и катастроф, правда, задумана она была очень тонко, но, как известно, где тонко, там и рвется. На состоявшихся 1—2 мая 1929 г. заседаниях кабинета Штреземан еще раз настоял на своем и прямо заявил Шахту, что, как показывает его собственный горький опыт, нельзя слишком уж доверять заключениям экспертов, специалистов и консультантов и что разумная практическая политика требует поставить подпись под планом Юнга. Через пять месяцев Штреземан скончался. Шахт использовал план Юнга, чтобы с громким шумом уйти с поста президента рейхсбанка. В декабре 1929 г. он опубликовал меморандум, целью которого было ускорить кризис, лишить правительство кредита доверия и самому завоевать популярность в правых кругах.

Это выступление Шахта стало началом конца для правительства Мюллера. Ушел в отставку министр финансов

* Фёглер Альберт (1877—1945) — германский промышленник, один из основателей стального концерна “Ферайнигте штальверке АГ” (1926).

¹¹ Aus den Akten des Bundesarchivs, Bestand R 43 1/1437 (Reichskanzlei).

Хильфердинг, и ни для кого не было секретом, что после ратификации плана Юнга, для которой были еще нужны голоса социал-демократов, уход правительства Мюллера станет вопросом нескольких недель. Генерал Шлейхер* еще в конце декабря начал исподволь формировать правительство Брюнинга¹². И 30 марта двери рейхсканцелярии распахнулись перед Генрихом Брюнингом — человеком, который действительно стремился проводить политику кризисов, — и не только потому, что он, применив ст. 48 Веймарской конституции и распустив рейхстаг, действовал, в сущности, антиконституционными методами и тем самым значительно ослабил демократические общественные институты, которые затем полностью ликвидировали фон Папен и Гитлер. Не менее важную роль играла кризисная политика, на которую Брюнинг рискнул пойти, чтобы окончательно избавить Германию от бремени репарационных платежей.

В своих мемуарах Брюнинг сам охарактеризовал свою политическую концепцию. Тщательнейшим образом выполняя план Юнга и не принимая никаких мер по оздоровлению экономики, он намеревался вызвать “кризис осознания” и таким образом побудить мир, т. е. Францию, Англию и США, отказаться от взимания репараций. Любопытно, что, по словам Брюнинга, он открыто сообщил Гитлеру об этом тайном замысле во время конфиденциальной встречи с ним 6 октября 1930 г., “хотя в парламентской практике это не принято”. Целью его политики было — “добиться отмены репараций”. Необходимый для этого “кризис, по нашим оценкам, мог продлиться от четырех до пяти лет, первые признаки улучшения ситуации возможны не ранее лета 1932 г.”. Брюнинг уже тогда отдавал себе отчет, что “необходимо дальнейшее сокращение расходов во всех областях в сочетании с понижением цен и заработной платы”. Он не думает ограничиваться двух- или даже трехгодовым мораторием на выплату репараций: “Это <...> не выход, нужно добиваться полного решения проблемы.<...>

* Шлейхер Курт фон (1882—1934) — германский офицер; политик; в декабре 1932 — январе 1933 г. — рейхсканцлер; стремился к сотрудничеству с левым крылом НСДАП; убит в связи с “рёмовским путчем”.

¹² Ср. также: *Ilse Maurer, Reichsfinanzen und Große Koalition* 1973, S. 122.

Правительство твердо решило идти намеченным путем до конца. Оно не может выступать по этому поводу перед общественностью с какими-либо заявлениями. Уже сама идея через полгода после принятия плана Юнга перейти в наступление, чтобы добиться отмены всех репараций, шокирует мир, и ответом будет немедленный отток краткосрочных капиталовложений, что через два месяца приведет к полной капитуляции Германии”¹³. Гитлеру же Брюнинг дал понять, что со стороны НСДАП самое целесообразное на данном этапе “было бы усилить свою оппозицию внешнеполитической линии правительства”.

Вольфганг Хельбих документально доказал, что в своих мемуарах Брюнинг не слишком приукрасил реальное положение вещей¹⁴. Лишь однажды Брюнинг публично с чрезвычайной осторожностью коснулся своей концепции, а именно в знаменитой речи перед рейхстагом 11 мая 1932 г., где он — в связи с задачами внешней политики — заявил: ни в коем случае нельзя допустить, чтобы сейчас, “в условиях всеобщего кризиса”, когда “до финиша осталось сто метров и нужно продержаться последние пять минут”, все пошло прахом. В самом деле: цель была достигнута, и в июле 1932 г. Лозаннская конференция приняла резолюцию, фактически решившую проблему репараций и разоружения в интересах Германии. Но сам Брюнинг — жертва своей же кризисной политики и интриг Шлейхера — ушел в отставку. Лавры достались фон Папену, однако и ему они тоже не помогли.

Для аскета и моралиста Брюнинга оправданием вызванного им кризиса служило, пожалуй, еще одно обстоятельство. В своих речах он вновь и вновь с пафосом расхваливал такие добродетели, как бережливость, готовность мужественно идти на непопулярные решения, самоотверженность, и однажды позитивно оценил даже тот факт, что “бедственное положение нации сказывается на бюджете каждой семьи”¹⁵. Своей кризисной стратегией Брюнинг хотел добиться внутривнутриполитического очищения и свободы во внешней политике. Но реалистична ли эта концепция?

¹³ Brüning, Memoiren, Stuttgart 1970, S 192 ff

¹⁴ Wolfgang J. Helbig, Die Reparationen in der Ära Brüning, Berlin 1962.

¹⁵ Rede am 6 Juni 1932, cp Schulthess Geschichtskalender 1932, S 100.

Ведь в политике все взаимосвязано и взаимозависимо. А Брюнинг, выстраивая свои кризисные спекуляции, рассчитывал на благоразумную реакцию со стороны США и Франции в ответ на разрушительную, даже самоубийственную политику Германии. Использование кризиса в качестве политического средства лишено всякого позитивного и конструктивного элемента, всякого рационального планирования нового будущего, во имя которого стоило бы это делать. Будущее, каким его представляли себе цереры и шахты, весьма и весьма туманно. У Брюнинга же оно выглядит жалким и ветхим. В своих мемуарах он откровенно пишет: “Я всегда считал себя доверенным лицом рейхспрезидента; я хотел сохранить его на посту главы государства, с тем чтобы до его кончины добиться мирным путем реставрации монархии. На этом строилась вся моя политика”¹⁶.

Ради этой изобретательно-деструктивной политики (позитивно она стремилась лишь к нелепой реставрации монархии) Брюнинг мирился со страшной нищетой в стране. Число безработных достигло тогда 6 млн. Но что это означает? Половину из них составляли отцы семейств, и их семейства были вынуждены существовать на пособие по безработице, равное 20 маркам в неделю. Во многих регионах — в Тюрингенском Лесу, Фогтланде, некоторых районах Саксонии и Силезии — царил голод. Бедственное положение безработных усугублялось, ведь они перестали быть покупателями. Закрывались не только фабрики и универмаги, но также театры и кино. Нужда проникла и в дома среднего класса, там тоже ограничивали себя самым необходимым. В этих условиях сильно падала рождаемость, росла детская смертность, состояние здоровья населения, проживающего в районах бедствия, резко ухудшилось, число женщин, выходящих от нужды и отчаяния на панель, постоянно увеличивалось. Люди деградировали физически и морально. Среди широких масс все громче и громче звучал призыв: “Нужно все изменить!”

Но для лиц, игравших ответственную роль в политике и экономике, равно как и для ведущих умов, происходящее

¹⁶ *Brüning, Memoiren, S. 378.*

было только кризисом. Кризис как бедствие, кризис как роковое явление, кризис как возможный прорыв в какой-то неведомый новый мир. Слово “кризис”, прикрывая отсутствие идей, стало программой. Истолкование некоего исторического процесса как революции, напротив, позволяет перейти к четким политическим действиям. Ведь в самом понятии “революция” заложено представление о коренном преобразовании общества; это означает, что давние классы (к примеру, дворянство) лишатся власти и их место займут новые классы. Такая политическая линия диктует вполне конкретные меры: Ленин национализировал фабрики, заводы и землю и тотчас заключил мир с державами Центральной Европы. Ленин предоставил другим заниматься “созданием кризисов”, сам он целенаправленно проводил в жизнь свою политику. Разговоры о кризисе, напротив, совершенно туманны и расплывчаты. Уже само слово “кризис” может означать распад, смятение, упадок и дефицит, но вместе с тем и испытание, решение, высший суд или очищение. Расплывчатость же влечет за собой не конструктивные поступки, а скорее хаос. *Активная* кризисная политика вдобавок разрушает формы, подрывает доверие и создает в обществе вакуум, куда могут ворваться силы зла. Национал-социализм, по сути явление несколько иное, чем итальянский фашизм, лишь в такого рода вакууме и получил возможность развития.

III. На рубеже миров — на рубеже эпох

1. Бунт “крови и жизни” против критического рационализма

События весны 1933 г. в Германии лишь отчасти можно описать такими политическими категориями, как захват власти, насильственная унификация идеологии и террор. И дело тогда было не только в нацистской пропаганде и отчаянии разума. Приходится также констатировать, что сотни и тысячи людей, которых общество считало и продолжает считать “разумными”, в надежде на перемены с воодушевлением приветствовали нацизм и его приход к власти. Среди тех, кто видел в этом начало новой прекрасной эпохи германского духа, были отнюдь не только широко известные приверженцы национал-социализма и поборники крайне правых взглядов, как Боймлер, Карл Шмитт, Крик, Блунк, Кольбенхайер или Ф. К. Гюнтер. И не только люди вроде Хайдеггера и Бенна, и без того занимавшие рискованную идейную позицию. В поддержку Гитлера выступили столь почтенные ученые, как философы Риккерт, Ротхаккер, Гелен, Фрайер и Макс Вундт, филологи Петерсен, Дойчбайн, Йенш, Фрикке, Бертрам, Фиетор и Киндерман, историк Берве, искусствовед Пиндер, лауреаты Нобелевской премии Ленард и Штарк и сотни других весьма авторитетных личностей, — и все это в то время, когда из университетов изгоняли таких ученых, как Гуссерль, Тиллих, Рёпке, Маннхайм, Шюккинг, Хармс и Хоркхаймер, а Эйнштейн, Франк, Бете, Макс Борн, Лиза Майтнер, Теодор Гейгер, Арнольд Бергштрассер, Фейт Валентин, Мартин Бубер, Эрнст Кассирер, Хельмут Плесснер, Карл Поппер, Макс Вертхаймер и еще примерно 3000 человек или уже эмигрировали, или стояли на пороге эмиграции. Эмигранты и “нежелательные лица” представляли вполне определенное научное направление: все они — физики, социологи, психоаналитики — вели исследования критико-эмпирическими, рационально обоснованными ме-

тодами. После их эмиграции в Германии прекратили свое существование целые области науки.

Данной группе исследователей противостояла другая когорта ученых, преимущественно германисты, философы и богословы, которые обращались к серьезным проблемам, скорее, стихийно, в восторге и по наитию. Есть множество документальных свидетельств, что изгнание вольнодумцев из университетов и унификацию идеологии такие люди вообще не воспринимали как произвол тоталитарной партии. Так, Герхард Фрикке, отличавшийся обычно тонким вкусом и чутьем, писал: "Облик нации начинает меняться глубоко изнутри. Бесплодные, разлагающиеся, паразитирующие верхние слои неодолимо уходят вглубь и переплавляются в той первооснове народной жизни, которую полагали давно охладевшей, но которая в поистине юном горении вырвалась теперь на поверхность; эта первооснова питает жизнь всех нас, она превыше всего, была до нас и будет после нас"¹. А Ханс Фрайер характеризовал приход нацистов к власти такими словами: "Неведомый народ поднимается и говорит свое политическое "да". Древние соки вновь возвращают новую эпоху, которая имеет смысл. Ее заблуждения легко поправимы. Ее потрясения продуктивны. И хотя переворот совершен твердой рукой, это отнюдь не произвол. Будущее превыше нынешнего дня, ибо это — преобразование вечности. Люди с верой шагают вперед, всматриваясь в даль, а меж ними незримо скачет Бамбергский всадник"². Этот образный язык, полный мифологических, религиозных и биологических аллюзий, есть выражение идейной позиции. Но какие идейные позиции, какие надежды побуждали этих людей приветствовать национал-социализм? Или же Фрайер и Фрикке просто оказались в плену моды?

Пример Карла Густава Юнга отчетливо показывает, что мы имеем дело прежде всего с проблемой мировоззрения, что поведение этих профессоров объясняется отнюдь не только давлением со стороны властей и крайне правых студентов — здесь столкнулись в корне противоположные на-

¹ Gerhard Fricke, "Über die Aufgabe...", Zeitschrift f. dt. Bildung 9, 1933, S. 494.

² Hans Freyer, Pallas Athene, Ethik des politischen Volkes, Leipzig 1935, S. 122.

учные позиции. Юнг находился тогда в Цюрихе, в свободной и безопасной Швейцарии. В первый же год “национального возрождения” президент “Всеобщего союза врачей-психотерапевтов”, психиатр Эрнст Кречмер, по политическим мотивам ушел в отставку. Его преемником в германском отделении стал кузен Германа Геринга — М. Х. Геринг. Теперь “Союзу” срочно потребовался авторитетный психотерапевт, который мог бы возглавить международное общество и одновременно руководить изданием центрального журнала. По просьбе германских коллег эту задачу взял на себя Юнг и вскоре в редакционной статье журнала следующим образом определил его направление: «Нельзя более закрывать глаза на реально существующие и давно уже известные благоразумным людям различия между германской и еврейской школами психологии; науке это пойдет только на пользу. Ни в одной другой области знаний нет такого “равнения на личность”, как в психологии»³. И Юнг определенно отвечал за свои слова. Под еврейской школой в психологии он понимал фрейдизм, под германской — направление, которое сам лично основал. И действительно, эти направления отличаются друг от друга.

Еще отчетливее раскрывают суть анализируемой здесь проблемы слова другого швейцарца — антропософа и юриста Романа Бооса. В предисловии к вышедшей в 1933 г. книге “Рудольф Штайнер в годы мировой войны” он пишет: “В муках и боли рождается могучее, неукротимое, беспощадное воление — быть больше чем экономистом, больше чем слугой механических стихий и хозяйственных интересов. И как бы мы ни относились к оболочкам, в которых живет это воление, — поиски его человеческой первоосновы суть естественный долг каждого нефарисея, который считает ход событий познанным, только когда он, как современник, чувствует себя вовлеченным в его последствия. Воление человека обрести себя вырывается наружу из-под груды развалин”⁴. Боос толкует насильственные и волевые элементы событий 1933 г. как воление чело-

³ Zentralblatt für Psychotherapie, Bd. 6, 1933.

⁴ Rudolf Steiner während des Weltkrieges, herausgegeben und eingeleitet von Dr. Roman Boos, Dornach o. J. Предисловие датировано началом июля 1933 г. (S. IV).

века обрести себя, как высвобождение из пут экономических интересов — хотя прекрасно видит беспощадную необузданность этого воления. Подобно Фрайеру и Фрикке, ему тоже мнится в этом национальном подъеме нечто более великое: «По зову крови и жизни люди бунтуют против экономического “духа”»⁴.

Боос выражает не просто широко распространенную тогда, но самую обычную точку зрения, и эта обычность — результат долгой подготовки. Обзор тогдашних журналов по проблемам культуры — от “Хохланда” и “Штиммен дер цайт” до “Тюрмера” и “Ди фурхе” — выявляет присущую им всем антирациональную и антиинтеллектуальную тенденцию; слишком уж часто в них повторяется тезис: мышление — враг жизни. На рационализацию экономики, на технизацию жизни и даже на якобы чрезмерное приобщение детей в школах к основам знаний возлагалась ответственность за все беды и тяготы эпохи, за бездуховность и кризисные явления. Так, к примеру, иезуит Йозеф Шрётелер пишет в журнале “Штиммен дер цайт”: “Постоянно давать пищу интеллекту — вот что считается и простой, и многообещающей школьной программой. Неудивительно, что именно рационализация становится девизом новой экономики, нового искусства, новой жизни. Логарифмическая линейка определяет все и вся. Детей рожают по рациональным соображениям, продолжение рода человеческого подчинено разуму. С тайн природы безжалостно срывают все покровы, и одержимый любопытством разум объясняет все. В прямых линиях новой целесообразности встает перед нами унылая бессердечность”^{4а}. Без анализа этого овладевшего многими антирационального жизнеощущения не понять сущность национал-социализма. Безусловно, нельзя отрицать, что в современном интеллектуализме и рационализме вправду действует некая сила, враждебная жизни. Однако такая трактовка интеллектуализма, по сути, отрицает, что она сама тоже продукт интеллекта и никакое погружение в жизнь и взывание к голосу крови тут не помогут. Болезни интеллекта лечат отнюдь не уходом в природные инстинкты и ощущения, а исключительно разъясняющим мышлением.

^{4а} Josef Schröteler SJ in: Stimmen der Zeit, Bd. 117 (1929), S. 256.

2. Эдуард Шпрангер

С целью более тщательного анализа ситуации, сложившейся тогда в духовной сфере, рассмотрим исследуемую нами проблему на примере двух крупных мыслителей — Шпрангера и Ясперса, — но не затем, чтобы ныне задним числом их раскритиковать, а чтобы отчетливо продемонстрировать слабости духа и искушения, которым он подвергается. Философ Шпрангер представляет здесь профессуру немецко-национального толка, которая в своих оценках — в том числе научных — руководствовалась скорее чувством. Ясперс, по образованию медик, психиатр, в социологическом плане ученик Макса Вебера, воплощает здесь трезвых критических рационалистов, которые, однако, не причисляют себя к материалистам.

Эдуард Шпрангер, ученик Вильгельма Дильтея, пользовался как философ и педагог большим авторитетом. С 1920 г. он был профессором Берлинского университета, а с 1934 г. состоял членом Общества среды — неформального объединения ученых, в состав которого входил ряд участников немецкого Сопротивления. Самое позднее с 1942 г. Шпрангер занял весьма критическую позицию по отношению к национал-социализму. Но еще в 1933 г. у него возник конфликт с прусским министром по делам культов и просвещения Рустом, он даже намеревался подать в отставку. Руст без ведома и согласия Шпрангера учредил в университете кафедру политической педагогики специально для нациста Альфреда Боймлера. Хотя Шпрангер уже тогда замечал проблематичные и сомнительные явления, тем не менее в 1933 г. он опубликовал в журнале “Эрциунг” (“Erziehung”) статью “Март 1933 года”⁵. В ней встречаются пассажи, характерные для образа мыслей многих профессоров и просто образованных людей, которые одобряли национал-социализм. Статья начинается словами: “Великие события, которые в марте 1933 г. довелось пережить германскому народу и германскому рейху, налагают на нас серьезнейшие обязательства”. Что же произошло? “Германия наконец пробудилась, закончился послевоенный период упадка сил”. Огля-

⁵ Здесь и далее Э. Шпрангер цитируется по: “Die Erziehung” 1933, S. 401 ff.

дываясь на “минувшую эпоху”, Шпрангер делает вывод, что даже тогда — т. е. в период Веймарской республики — *германская идея* была жива, но: “Сперва широко распространилось мировоззрение, полностью противоположное ее глубинной сущности. Обычно его коротко именуют материализмом, или марксизмом. На самом же деле речь идет (если говорить об этих противоположных “германской идее” элементах. — *К.Л.*) о повсеместных явлениях распада и разложения, которые трудно обозначить одним словом. Проникшая с Запада программа, предполагавшая путем сугубо внутреннего реформирования общества обеспечить счастье и благополучие масс, нивелированных демократией и социализмом, перекрыла последние источники народной силы — чутье к метафизическим основам бытия, христианскую веру в Бога...”

Тем самым Шпрангер выдает причины своего негативного отношения к Веймарской республике: в этом государстве поощряли западную, эмпирическую науку и критический рационализм, низвергавший и уничтожавший традиционные ценности.

Далее Шпрангер, в частности, сетует, что в условиях демократии “народ все больше утрачивал исконную сплоченность”, что психоанализ, трактующий человека лишь как “комплекс инстинктов исключительно природного, сексуально-чувственного свойства”, подрывает духовное здоровье нации. Затем Шпрангер негодует по поводу “преступных игр с идеей разоружения”. Он воспринимает мартовские события 1933 г. как пробуждение чувства долга и готовности к самоотречению во имя веры и указывает, что, по его мнению, составляет позитивное ядро национал-социалистского движения. Одновременно он отмежевывается от отдельных эксцессов, в частности от “чрезмерного антисемитизма”. Таки ми заявлениями он и его единомышленники успокаивали свою совесть, спасали научную репутацию и все же не переходили в лагерь принципиальных противников режима, ведь отвергался, к примеру, не всякий, но чрезмерный антисемитизм. Приведем полностью типичные пассажи из его статьи:

“На религиозной и нравственной основе зиждется и воля стать одним народом (ибо народом в этом желанном высшем смысле мы никогда еще не были!), которая родилась

как сила из пережитого в годы войны и составляет великое позитивное ядро национал-социалистского движения, пусть даже кое для кого она скрыта негативной стороной чрезмерного антисемитизма. В благородстве крови и кровной общности также есть нечто позитивное. Сознательное попечение о здоровье народа, забота о физической и нравственной полноценности подрастающего поколения (евгеника), местный патриотизм, соперничество между народностями и условиями без ненужной и зачастую неправильной централизации — вот силы, которые, вновь пробудившись, открывают путь в светлое будущее". В понимании Шпрангера все позитивное восходит к "огромным коллективным испытаниям военных лет", и в "героическом восприятии действительности" он видит благородный идеал воспитания. "Не случайно поэтому именно воинский дух пронизывает вновь возникающие идеалы воспитания, вплоть до терминологии. Мировая война наконец начинает раскрывать свое *позитивное* (ибо все трагическое позитивно!) содержание в нашем народе, основная масса которого долгое время пребывала в унижении, преисполненная пацифистских упований, хотя политическая реальность каждый день их опровергала. Кто же осудит нас, если при взгляде на наши границы [т. е. границы Германии по Версальскому договору. — К.Л.], на наш вермахт, численность которого насильственно сокращена, на иные посягательства соседних народов на наши элементарнейшие жизненные права мы не только видим в войне наше прошлое, но *поневоле* предощушаем в ней необходимость вновь защитить себя от угрозы, таящейся в напряженном международном положении!" Таким образом, выдающийся педагог открыто призывает к развязыванию второй мировой войны, одобряет "достойное" стремление "воспитывать молодежь в воинском духе", правда, затем он делает небольшую оговорку: дескать, воспитание в воинском духе "отнюдь не равнозначно милитаризации всего воспитания молодежи". И наконец, Шпрангер приходит к следующему выводу:

"После этих упоительных мартовских дней, вернувших нам возрожденное сознание, что мы еще сможем стать единым народом, начинается тщательная и детальная работа! Во многом она будет сурова и трудна, особенно в нашем стесненном, замученном нуждой и бедствиями гер-

манском мире. Но ведь эта воспитательная работа и объемлет сразу все: добровольную и военизированную трудовую повинность, боевую закалку тела и духа, свободу и смиренное служение Богу”.

Употребляя такие выражения, как “уважение к закону” и “смиренное служение Богу”, Шпрангер, безусловно, хотел ограничить откровенный произвол власти и антисемитизм; предостерегал он в своей статье и от диктатуры в воспитании, и от духовного насилия; сотрудничая с нацистами, он, безусловно, хотел помочь предотвратить извращения, ибо надеялся, что вызывающие тревогу явления периода захвата власти вскоре уступят место новому порядку. Решающее значение для Шпрангера имело то, что он видел в национал-социализме те элементы жизни, крови и развития, которые были в его понимании созидательными силами нации. Принципы шпрангеровской позиции закреплены в таких формулах, как “служение надличностным идеалам”, “аристократия крови”, “местный патриотизм”, “боевая закалка”, “честь” и т. п. Эти расплывчатые, ненаучные, иррациональные формулы отражают этические нормы минувшей эпохи. Как ученый, Шпрангер целиком руководствовался интуитивными герменевтическими методами философии жизни*. Эмпирические и рациональные методы техники, социологии или современной демократии были ему чужды. В одной из своих работ он так сформулировал свои научные принципы: “Уровень понимания во всех гуманитарных науках полностью зависит от личности исследователя — его духовного кругозора и зрелости (духовной насыщенности). <...> Любое понимание сознательно или бессознательно вытекает из мировоззренческой позиции, и только в силу такого происхождения оно может стать основой окончательной оценки ценностей”^{5а}. Подобный, ориентированный на личность научный идеал по-человечески весьма притягателен, однако он

* Философия жизни — философское течение конца XIX — начала XX века, выдвигавшее в качестве исходного понятия “жизнь” как некую интуитивно постигаемую целостную реальность, не тождественную ни духу, ни материи. Философия жизни являлась выражением кризиса классического буржуазного рационализма; в своем крайнем биологическо-натуралистическом варианте оказала влияние на формирование идеологии национал-социализма.

^{5а} *Eduard Spranger, Der Sinn der Voraussetzungslosigkeit in den Geisteswissenschaften, Berlin 1929, S. 15 f.*

выходит из-под контроля, и это опасно. Точными и контролируемыми, зато и безличными показывают себя методы, обеспечившие современный этап развития техники.

Анализируя данную позицию, следует учитывать, что прорыв к современности произошел в Германии особенно быстро. Еще в 1870 г. две трети населения страны жили в деревнях, но уже в 1913 г. картина была прямо противоположной. В 1870 г. в Германии насчитывалось восемь крупных городов с населением свыше 100 000 человек, в 1913-м их было уже 48. За 40 лет с 1870 по 1910 год население увеличилось с 40 до 65 млн. Урбанизация и концентрация — вот ключевые слова, определяющие тогдашние процессы. Одновременно стремительная индустриализация упраздняла давние обычаи, меняла традиционный жизненный уклад и нормы морали. Политические перемены после первой мировой войны усилили эти процессы: казалось, все нормы и ценности были поставлены под сомнение. И в таких обстоятельствах требовательно звучит призыв к прочным нормам и четким критериям, укорененным не в сиюминутности, а в “метафизическом” (как бы ни толковалось это понятие). Но вместе с тем и Шпрангеру, и многим его современникам свойственно крайне скептическое отношение к техническому прогрессу, демократии, рационализму, психоанализу и т. д. Огромная безработица 1930—1933 гг. как будто бы подтверждала правомерность их скепсиса. “Рационализация попросту исключила миллионы живых людей из экономического процесса”⁶, — писал Шпрангер в 1932 г. в одной из своих статей о современной технике и экономике. Для Шпрангера — и здесь рядом с ним можно назвать сотни других авторов — встает вопрос: не свойственно ли идущим с Запада рационализму, демократии, техническому прогрессу и либерализму некое разрушительное начало? В минувшие столетия природа, нищета, скудость технических возможностей, ограниченность уровня знаний и церковные установления суживали сферу осуществимого

⁶ Цит. по кн.: Volk, Staat und Erziehung, Leipzig 1932, S. 190. Шпрангер здесь прямо связывает роковой экономический кризис с быстрым совершенствованием технической базы способа производства и указывает, что индивидуализм причинил тяжелейший ущерб, а рационализм совершенно отошел от реальностей жизни и кровной общности.

и мыслимого, а значит, ставили жизнь человека в жесткие рамки природных норм; теперь же, с Марксом, Геккелем, Фрейдом, с техническим прогрессом, развитием мировой торговли и демократии, с индивидуализмом и плюрализмом, возникло столько новых возможностей, трудностей и конфликтов, что оказались утрачены не только ориентиры, но и “подлинное” человеческое бытие. Как тут не предложить взамен исконные ценности армии и крестьянства — патриотизм, героизм и смирение перед Богом?

Быть может, в Шпрангере просто говорит отчаяние сердца перед лицом современного технизированного мира? Ведь в этом мире сердцу нет приюта.

3. Карл Ясперс

Далеко не каждый сделал в тогдашней духовной ситуации те выводы, какие сделал Шпрангер. Но более критичные и менее опасливые умы тоже откликнулись на упадочнические настроения. Судя по всему, примерно с 1929 г. ощущение кризиса становилось в обществе все сильнее. Воспроизвести здесь полный спектр тогдашних настроений и мнений не представляется возможным. Достаточно будет коротко остановиться лишь на некоторых из них. В 1929 г. увидела свет тотчас завоевавшая огромную популярность книга Фрица Хайнемана “Новые пути философии”; в предисловии автор утверждает, что человечество охвачено глубинными преобразованиями и вплотную подошло к переломному моменту своей истории. Современная жизнь оторвалась от материнской почвы, от мифа, который связывает ее с природой, и находится в кризисе. Этот кризис поразил все ее сферы, в том числе науку, затронув даже основы математики. Происходит упадок морали, устоявшиеся обычаи исчезают, не соблюдается ни естественное, ни государственное право. Хайнеман рисует такую обобщенную картину: “В целом кризис — это запруда в потоке жизни, столкновение сил, вихрь, ломка формы, шаткое равновесие, зависание между небом и землей, Прежние жизненные уклады, обеспечивавшие стабильную расстановку сил, уже не справляются со своей задачей, а новые еще не возникли. С каждым часом обостряется необходимость сделать решительный шаг; все

погружается в хаос, культура в смертельной опасности, человек — в полнейшем отчаянии”⁷.

Несколько по-иному рисует ситуацию Курт Рицлер в лекции 1929 г., прочитанной на Давосских высших курсах: “Создается ощущение, будто душа в смятении стоит среди развалин прошлого, расколота в разорванном пространстве, лишенная единения с сущностью человека и окружающего мира, а мир этот охвачен преобразованием, и она не в состоянии ни уследить за ним, ни повелевать им”⁸.

А теперь точка зрения Мартина Хайдеггера, высказанная на тех же курсах в Давосе. Если Рицлер размышляет об отношении человека к окружающему миру, то Хайдеггер обращается к знанию, науке и их взаимосвязи с человеческим бытием: “Ни одна эпоха не накопила столько многообразных знаний о человеке, как нынешняя. Ни одна эпоха не умела изложить свои знания о человеке в столь убедительной и заманчивой манере, как нынешняя. Ни одна эпоха не умела предложить эти знания так быстро и легко, как нынешняя. Но ни одна эпоха и не знала о том, что есть человек, так мало, как нынешняя. Ни одной эпохе человек не внушал так мало доверия, как нашей”⁹. Совершенно очевидно, что подобные высказывания вовсе не обязательно отражают жизнеощущение крестьян или ремесленников. Да индивид, пожалуй, нередко хорошо знает, что думает о себе как о человеке. Однако на уровне публичных дискуссий господствовало единое мнение: мир трещит по швам и переживает один из самых страшных кризисов в истории. Классический набор кризисных страхов обобщен Карлом Ясперсом в знаменитом эссе 1931 г., где он затрагивает почти всю тематику кризисной литературы. Начав с “массового бытия”, Ясперс переходит к “сознанию в век техники” и замечает в этой связи: “Человеческое бытие сводится к самому общему — к витальности как работоспособной телесности и к

⁷ *Fritz Heinemann*, *Neue Wege der Philosophie*, Leipzig 1929, S. 6.

⁸ *Kurt Riezler*, *Über Gebundenheit und Freiheit des gegenwärtigen Zeitalters*, Bonn 1929, S. 14. Курт Рицлер — одна из не слишком заметных, но важных фигур истории. До 1914 г. он был советником и секретарем рейхсканцлера Бетман-Хольвега; в 1920 г. под псевдонимом Й. Й. Рюдорфер опубликовал работу “Три кризиса”. Рудольф Штайнер подробно анализировал эту работу 26.02.1922 г. в “Гёттануме”.

⁹ *Martin Heidegger*, *Kant und das Problem der Metaphysik*, Frankfurt 1951, S. 189.

тривиальности наслаждения”. Далее следует раздел о “гоподстве аппарата”, и, продолжая свой анализ, Ясперс приходит к выводу: “Власть массы создает универсальный *аппарат* бытия, уничтожающий специфически человеческий мир бытия”¹⁰. С этой точки зрения он затем рассматривает многочисленные явления современной ему жизни, в большей или меньшей степени порожденные аппаратом и массовым бытием: страх перед жизнью и спорт, трудовой энтузиазм и лидерство. Венчает описание тогдашнего положения людей раздел под заголовком “Кризис”.

“То, что тысячелетиями составляло мир человека, ныне, похоже, распадается,— пишет Ясперс. — Новый мир, возникающий как аппарат обеспечения бытия, заставляет все и вся служить ему, уничтожая все, чему в нем нет места. Человек как бы растворяется в том, чему бы должно быть лишь средством, но не целью, и уж тем более не смыслом. Он не может удовлетвориться этим, ведь таким образом на чисто уничтожается основа его ценности и достоинства. Исчезает то, что худо-бедно было для него бесспорной опорой существования. Расширяя сферу своего бытия, он как бы отрекается от существования, в котором обретает себя. <...> Отсюда общее ощущение нарушенности самого главного, самого важного. Все поставлено под сомнение; все находится под угрозой. И как прежде говорили, что мы живем в переходный период, а тридцать лет назад рассуждали об эпохе декаданса, так теперь в любой газете пишут лишь о кризисе”¹¹.

Пытаясь уточнить реальное содержание подобных аналитических заявлений, прежде всего сталкиваешься с языковыми моментами. Формулировки типа “отсюда всеобщее ощущение нарушенности самого главного, самого важного” оперируют понятиями, которые как таковые нигде не определены и не разъяснены. Скажем, понятия “аппарат бытия” или “массы” выходят за пределы конкретного. То же относится и к высказываниям вроде “все поставлено под сомнение; все находится под угрозой”. Что значит “все”? Кризис основ математики не поколебал таблицу умножения или

¹⁰ *Karl Jaspers, Die geistige Situation der Zeit, 1931, S. 48.*

¹¹ *Karl Jaspers, ibid., S. 65 f.*

правила счета. Прусская бюрократия явно работала по-прежнему четко, и железнодорожные поезда тоже ходили по расписанию. Реальные проблемы нигде отчетливо не сформулированы и не конкретизированы. Конечно, разговоры о кризисе отчасти совпадают с мировым экономическим кризисом, однако они шли полным ходом задолго до его начала. Ситуация в экономике мощной басовой нотой вписывается в концепцию кризиса далеко не сразу.

Вот почему разговоры о кризисе отнюдь не в первую очередь выражение реального положения дел. Они, скорее, свидетельствуют, что в отношении духа к реальности и к самому себе существует глубокий разлад. Насущный вопрос, актуальность которого с наступлением нового времени все возрастала: что есть человек? что ему делать? на что он может надеяться? — остался без ответа не только теоретически; практически человек тоже потерял себя, т. е., сам того не замечая, стал орудием соответствующих аппаратов, скажем машин, которые он *обслуживает*, полагая, что *пользуется* ими. И он мог бы пользоваться ими, но только если бы сумел не просто познать самого себя, а еще и действовать. Время требовало антропософии, человекомудрия, которое направило бы людей на решение практических задач, однако за туманными разговорами о кризисе этот призыв не был услышан.

Не нужно ни особого мыслительного искусства, ни озарения свыше, чтобы понять: все связанное с современной наукой, а стало быть, и с технизацией и промышленным переворотом есть дело рук человеческих, результат деятельности человека, его помыслов и воления. Техника, наука и общественный строй зримо демонстрируют человечеству его общественную мысль. Нетрудно понять и что, управляя с помощью науки и техники жизнью и обществом, человек и человечество сами становятся творцами своей судьбы. С началом промышленной революции, т. е. с середины XIX века, человечество переступает *порог*, который отделяет жизнь, где властвует природа, от жизни, где властвует человек. До середины прошлого столетия жизнью большей части человечества управляли природные ритмы, бедность и нужда, болезни и эпидемии. В XX веке человечество поставило перед собой задачу овладеть решением многих из этих проблем. И по сей день мы изо всех сил стараемся научиться этому, те-

перь уже сознавая, что *главная* проблема нынешнего исторического момента есть отношение к жизни, исследование законов живого. В наши дни уже очевидно, что без конца манипулировать жизнью нельзя, а в те годы замечали только, что имеет место отход от природного состояния, и не отдавали себе отчет в том, что этот отход от природного регулирования процессов требует от каждого индивида и от каждой социальной группы крайне бережного, основанного на чуткости к этим жизненным процессам отношения к самоформированию человечества. Не понимали тогда и того, что ныне вполне может осознать любой: такого рода самоформирование человечества немыслимо, если не познать самого человека, не уразуметь, какое место занимает человек в целостной структуре жизни.

Именно в силу недопонимания у толкователей эпохи и возникло чувство, что они попали в гущу грандиозного исторического процесса, который, подобно судьбе, извне вторгается в жизнь человечества. Ясперс, истолковывая историческую ситуацию, также демонстрирует полнейшую беспомощность: “Хотя наша эпоха отличается от прошлого именно благодаря новому, а наше настоящее — благодаря совершенствованию этого нового, невозможно объяснить, в чем состоит это новое, только исходя из обезбоживания мира и принципа технизации. Даже без четкого представления о том, что происходит на самом деле, люди все больше и больше сознают, что мы стоим на рубеже глобальных перемен, которые несопоставимы ни с одной из прошлых исторических эпох. Мы живем в духовно великое время, ибо оно богато и возможностями, и опасностями, но если не найдется людей, достойных этой эпохи, она станет самой жалкой в истории несостоятельного человечества”¹².

4. Рубеж эпох и надежда на спасение

Употребив слово “рубеж”, Карл Ясперс попал в точку, и начиная с 1929 г. это слово буквально пестрит в публикациях, посвященных анализу современной эпохи: дескать, мы живем на *рубеже эпох*. Различные варианты дан-

¹² Karl Jaspers, *ibid.*, S. 18.

ной формулы — писали о рубеже в сфере духа и в душах людей, о новой эре и т. д. — поначалу лишь выражали эмоциональный настрой и не имели какого бы то ни было понятийного содержания. Излагается все это опять-таки по-разному; так, например, Макс Хильдеберт Бём пишет, что человечество живет на рубеже эпох, балансируя на зыбкой грани между “откуда” и “куда”¹³. И все же это достаточно пустое словосочетание имеет большое значение, ибо выражает дух времени, надежду, что все вот-вот изменится.

Этот дух времени пронизан многообразными мотивами, среди которых не в последнюю очередь важны религиозные. Постоянно подчеркивается, что, строго говоря, слово “кризис” означает по-гречески “суд”, “приговор”¹⁴. На рубеже эпох умы расходятся. Религиозные мотивы отчетливо проступают и когда тот или иной автор нарочито отказывается от обычного понятия “переломный момент в развитии культуры”; примером тому цитата из работы Пауля Тиллиха: “Главная суть всех рассуждений заключена в том, что ныне мы находимся в условиях кризиса — и кризиса не в смысле безответственного перелома в религии и культуре, который у всех на устах, а в смысле надвигающегося на нас, безусловно ответственного вторжения вечности в наше время”¹⁵.

Иначе — однако не менее веско — высказывается в одной из своих последних лекций гениальный философ Макс Шелер. Он говорит о наступлении новой “мировой эпохи” — именно не просто “эпохи”, но “мировой эпохи” — и предостерегает от недооценки глубины перемен: “Меняются не только вещи, обстоятельства, институции, основные понятия и формы искусства и почти всех наук — нет, *меняется сам человек* с его характерными особенностями, т. е. весь его организм: тело, инстинкты, душа, дух, и это не просто изменение его реального существования, но изменение его оценочных критериев”¹⁶.

¹³ *M H Boehm*, Das eigenständige Volk, Göttingen 1932, S 47

¹⁴ См также *Wilhelm von Schramm* in Radikale Politik, München 1932, *Wilhelm Zoellner* im Kirchlichen Jahrbuch 1932, S 323, *Georg Heim*, Deutschlands Weg an der Zeitenwende, München 1931 “Umkehr, Insichgehen oder Gottesgericht, S 129, и проч

¹⁵ *Paul Tillich*, Kairos II, Zur Geisteslage und Geisteswendung 1926, цит по *Tillich*, Gesammelte Werke VI, Stuttgart 1963, S 35

¹⁶ *Max Scheler*, Philosophische Weltanschauung, Bern 1968, S 91

То, в чем Макс Шелер усматривает глубинное преобразование человека, представляется национал-большевику Эрнсту Никишу великим моментом германской истории. И вновь в языке чувствуется пафос времени: “Мы — поколение, живущее на рубеже миров. Лишь проникнувшись этим сознанием, мы найдем в себе мужество для свершения необычайных, невиданных и неслыханных дел. И тогда мы не будем терзаться из-за того, что так много уже разбито и еще будет разбито; когда меняется мир, многое разбивается вдребезги... Суть мирового перелома в том, что Германии дарована милость вновь начать все сначала. У нее пока что есть силы — хватило бы только смелости и стойкости”¹⁷. Очевидно, что, говоря о рубеже эпох и миров, Никиш связывает с ним высочайшие требования и глубочайшие эмоции.

Важно, что надежды и упования на новое время пока вообще не конкретизируются. И тем не менее все единодушно обращались против рационализма и интеллектуализма и даже выдвинули лозунг: “Не разум, но душа, не доктрины, но видения и инстинкты — вот что обновит германскую действительность”¹⁸. А в разгар экономического кризиса увидела свет книга, в которой так описывалось возрождение государства, экономики и человека: “С незапамятных времен мир не видывал таких всходов, которые ныне взошли по всей земле. В великом множестве неудержимо появляются они, эти растения, не описанные ни в одном учебнике ботаники. <...> Это акт зачатия. Великий безрассудный порыв, который извечно дает начало новой жизни”. И далее: “С пограничья эпох, на котором мы сейчас стоим, исходит призыв ко всем сферам нашего мышления и воления. Но искусство управления государством имеет свою задачу. Оно должно освободить человека от механистических форм и подвести его к новым формам”¹⁹.

Все эти суждения лежат в русле антирационалистического направления, которое обращается непосредственно к жизни, отворачиваясь от ясности и конкретности, в надежде через матриархат, первобытную культуру или танец каким-то образом постичь истинный смысл жизни; при этом порой

¹⁷ Ernst Nikisch, Entscheidung 1930, S. 185.

¹⁸ M.H. Boehm, Grundbegriffe der Politik, Heft I, Leipzig 1920, S. 81.

¹⁹ Franz Mariaux, Der Schutthäufen, Hamburg 1931, S. 82 f. und 222.

прибегают к необычайно витиеватой и крайне субъективной манере изложения. Так, Леопольд Циглер определяет рациональное как ментальную сверхдержаву: “Теперь или никогда произойдет прорыв железного фронта ментальной сверхдержавы, а значит, и овладение ее ключевой позицией. В этот переломный момент существует одна-единственная цель: прорыв через сверхдержаву”²⁰. С мотивом жизни зачастую сопрягается мотив религиозный, например, у Августа Виннига, для которого сущность пограничной ситуации заключена в том, что “теперь виден хотя бы кусочек божественной системы мира — насколько он доступен нашему тусклому взору: Господь дарит людям новое видение. Зачем? Мы не знаем. Но видим, как из видения нового мироздания рождается новый жизненный уклад”²¹.

Во всех этих высказываниях заметно горячее стремление группы людей преодолеть механический и рациональный подход к жизни, который выхватывает лишь отдельные факты, и отыскать пути к глубинному постижению жизненного мира человека и познать его. Однако по-настоящему такое постижение нигде не обеспечено. Все сводится к декларациям и отрицанию рационального. Одновременно противники рационального ополчаются и на индивидуальное. Вальтер Кюннет, который вскоре примкнет к Конфессиональной церкви* и мужественно выступит против Гитлера, в своей статье, опубликованной в декабре 1932 г. в журнале “Цайтвенде” (“Zeitwende”), следующим образом интерпретирует тогдашнее состояние умов: “Если поставить задачу четко сформулировать суть перелома в мире нашей культуры, то можно охарактеризовать его как поворот к органичному началу... Восторжествовавшему в начале века материалистическому механицизму нанесен сокрушительный удар, он ослабел и вот-вот рухнет! <...> Поднимается новая волна органичной мысли, везде и всюду чувствуется ее мощное биение. <...> В противостоя-

²⁰ *Leopold Ziegler*, 25 Sätze vom deutschen Staat, Darmstadt 1931, S. 66.

²¹ *August Winnig*, Führung durch den Geist, 6. Tagung für deutsche Nationalerziehung April 1931, in: Deutsches Volkstum 13. Jg., S. 570 f.

* Конфессиональная церковь — движение в евангелической церкви, направленное против тоталитаристских устремлений нацизма, статуйровано в 1933 г. под руководством Карла Барта (1886—1968) и Мартяна Нимёллера (1892—1984).

нии индивидуализму ширится фронт социального единения, новая воля к национальному возрождению”²².

Познание сущности живого происходит, однако, вовсе не в безрассудном порыве зачатия, как полагает некто Мариб, и не в иррациональном аффекте, но путем расширения и совершенствования познания. Жизнь души откроется жизни мира, если, созерцая деятельную, творящую и изменяющуюся природу, окунется в формирующие жизненные процессы. Подлинная общность возникает не в силу исключения индивидуальности; одно лишь движение сердец и воля к национальному возрождению кончаются маршем коричневых или иных орд. Сознательно наблюдающее, сознательно активное “я” никак нельзя исключать и устранять в этой чрезвычайной ситуации, которую создали люди, т. е. множество “я”. Более того, в данной ситуации именно это “я” должно вновь восстановить прерванную связь с жизнью и общностью. Именно такая определяющая, регулирующая функция “я” делает его “вождем”, однако нацелена она неизменно на достижение общего блага, а не на удовлетворение эгоистичного субъекта.

Известно, что в период кризиса Веймарской республики особенно громко звучали голоса, призывавшие вождя, фюрера, но и его только *ожидали*, как ожидали видения новой жизни. Его явления ожидали как дара свыше. Так, например, в январе 1933 г. в журнале “Тюрмер” была опубликована статья “Фюрер”, где прямо говорилось: “Должен явиться новый апостол, который пылким словом и огненными письменами возвестит глубокий смысл подвига и почитания героев, вложит в наши пустые ладони надежные мерилы истинных ценностей и, проникнутый высочайшей нравственностью, поведет нас за собой”²³. В вышедшей в 1932 г. книге “Политик-христианин” Вильгельм Штапель рисует свой идеал вождя: “Политик держит в руках судьбы войны и мира и беседует с Богом один на один. Его человеческие соображения становятся молитвой, становятся решениями. Его решение — не просто плод умственного расчета, а квинтэс-

²² Walter Kunneth, Vom Sinn des Organischen, in: Zeitwende 1932, S. 464.

²³ Cola Beaucamp, Der Führer, in: Der Türmer 1932/33, S. 284.

сенция исторических сил. Его победы и поражения — не человеческие случайности, а божественная судьба. Поэтому истинный политик, истинный государственный муж одновременно правитель, воин и священник”²⁴. В такого рода портретах вождя бросается в глаза не только религиозный характер ожидания фюрера, отчасти как бы упование на пришествие этакого народного мессии, — в первую очередь здесь явственно звучит настоятельная потребность не просто в политическом деятеле, но в том, что способно установить связь с Богом и миром, — в личности, в “я”. Однако же, не осознавая спроецированного характера этого идеального представления, люди ложно отождествляли “я” с неким грядущим извне спасителем.

Жажда спасения растет вместе с трагизмом и мрачностью эпохи, и перелом, которого ждут, это уже больше чем новая эра, чуть ли не Страшный суд. Поначалу об этом осторожно заговорили в иных церковных декларациях. Затем подобные голоса стали отчетливее. Так, в “Церковном ежегоднике” за 1932 г. появилась статья “Год кризиса”, в которой можно прочесть: “Но затем придет его день. Нет, не последний, не день Страшного суда. Хотя все и вся, конечно, достигнет тогда своей кульминации. У этого Страшного суда уже есть предвестники. Уже сейчас, в становлении его церкви, уже в нынешние времена бывают такие дни — дни суда и дни кризиса. Огнем палит он дела людские”²⁵. Гораздо внятнее высказался чрезвычайно активный в то время Ханс Ф. Эренберг в своем произведении “Германия в горниле плавки”, которое претендует дать общую картину тогдашней ситуации в мире и изображает “избранность” германского народа, находящегося между Востоком и Западом, между “фронтами” современного противостояния. В итоге он открыто заявляет, что исторический процесс приближается к пространству, где произойдет второе пришествие Христа, а это “пространство эсхатологическое, исполненное великих и священных опасностей”. В понимании Эренберга находится оно между Голгофой и Ватиканом. “Чем ближе мы к пространству между Голгофой и Ватиканом, чем более католи-

²⁴ *Wilhelm Stapel*, *Der Christliche Staatsmann*, Hamburg 1932, S. 190.

²⁵ *Kirchliches Jahrbuch für die ev. Landeskirchen* 1932, 59. Jg. *Wilhelm Zoellner*, *Das Jahr der Krisis*, S. 322.

ческим, иудейским и одновременно крайне протестантским становится христианство, тем серьезнее неожиданности, тем страшнее конфликты, тем неотвратимее решения, тем ближе день из дней. (Автор покорнейше просит дважды прочесть эти строки. Сказать по-другому было невозможно. А так сказано вполне однозначно, и это главное)²⁶. Эренберг зрит близость Страшного суда, и он не одинок²⁷. Особенно явно религиозно-апокалипсические мотивы выступают на первый план опять-таки в упомянутой книге Вильгельма Штапеля “Политик-христианин”. Он пишет о старинной проблеме судьбы немцев, которая именно сейчас, в 1932 г., “из сферы умозрительного вновь переместилась в центр злободневной борьбы”: “Вновь содрогается Голгофа. Вновь отверзаются недра горы Кифхойзер. Неужели грядет час встречи Бога и императора?* <...> Этот народ жаждет и одновременно страшится мгновения, когда Господь спустится на землю в своей небесной реальности и славе, ибо он погибнет, узрев Его в Его непостижности”. Ведь, продолжает Штапель, германский народ живет верой “в новую эпоху и новое человечество. Он не рассудочен, но апокалипсичен”²⁸. Таким образом, у Штапеля и Эренберга ожидаемое второе пришествие включается в историю нации, в национальную мифологию (Кифхойзер), переносится в современность. Это ожидание грядущего спасения, видимо, опиралось на ощущение переломности момента: дескать, вот-вот наступит новое время, новая эпоха. Апокалипсические ноты отчетливо звучали даже на Эссенском католическом соборе 1932 г., выступления участников которого в целом были достаточно сдержанны и осторожны. В разосланных его организаторами приглашениях прямо говорилось: “Если мы правильно толкуем знаки времени, то мы стоим на переломном рубеже мировой истории”²⁹, а гимн, специально написанный к этому Собору, звучал так:

²⁶ Hans Ph. Ehrenberg, *Deutschland im Schmelzofen*, Berlin 1932, S. 102.

²⁷ См. также: *Hans Asmussen, Die Offenbarung und das Amt*, München 1932, S. 127; *Eugen Speck, In der Gewalt der letzten Dinge*, in: *Die Furche* XVII. Jg. 1931, S. 364 ff.

* По преданию, в горе Кифхойзер спит император Фридрих I Барбаросса (1122—1190), которому однажды суждено пробудиться, чтобы возродить могущество Германии.

²⁸ *Stapel, Der Christliche Staatsmann*, Hamburg 1932, S. 5, 268, 270.

²⁹ *Protokoll des Katholikentages 1932*, Bd. I, Essen, S. 71, 497.

Святая битва — наше назначенье,
Сегодня мир палит огнем Господь.
Мы присягаем твердо обновленью —
Владыкой
Эры новой стань, Христос Господь!²⁹

Ясно одно: национал-социалистское движение сознательно использовало в своих интересах эти эсхатологические настроения, это ожидание грядущего спасения. Розенберг и Штрассер широко использовали в своих статьях и речах выражения *“рубеж эпох”*, *“переломный момент”* и проч., фон Папен и многие другие швырялись ими направо и налево в ходе избирательной кампании в феврале—марте 1933 г. Гитлера чествовали не только как вождя, “фюрера”, но и как нового спасителя. В общественной жизни акцентуация “национальной общности” началась движением “Сила через радость”, торжественными церемониями поднятия и спуска флага и факельными шествиями и кострами; за четыре года фактически удалось совершить чудо — почти полностью ликвидировать безработицу, мобилизовать колоссальную энергию широких масс. Вера и надежда, даже идеалистическое мировоззрение были поставлены на службу губительной авантюре.

Не учитывая этих ожиданий, этих апокалипсических надежд, мы не сможем понять, почему в 1933 г. германские граждане проявили полную свою несостоятельность. Восторг, охвативший людей в марте 1933 г., не остывавший многие месяцы и приведший, например, к тому, что на выборах в руководящие органы евангелической церкви, на которые власти никак не оказывали нажима, 70% голосов отошли представителям пронацистского движения “Немецких христиан”, — этот восторг невозможно объяснить, не принимая в расчет ожидания великого вождя и Судного дня.

Если когда-либо в истории люди питали огромные надежды, если когда-либо из ощущения обновляющего перелома рождалась огромная энергия, готовая стать на службу высочайшим целям, то было это именно в конце 20-х — начале 30-х гг. Совершенно очевидно, что эти надежды и энергию обманом использовали в преступных целях. Но разве оттого эти упования и силы угасли навсегда?

Социал-демократ, а впоследствии участник Сопротивления Юлиус Лебер, человек критико-рационалистических взглядов, летом 1933 г., после роспуска политических партий, опубликовал итоговую статью “Причины гибели германской социал-демократии”. Закljučая свой анализ, он пишет: “Социал-демократия недооценила важность общественных настроений в послевоенные годы”, — и делает вывод: “Мы живем в эпоху великого перелома”³⁰. Такого рода “переломные” настроения мало-помалу возникали начиная с 1927 г., а после 1929 г. резко усилились. Люди только и говорили что о необходимости перемен всего и вся; доминировало ощущение, что именно в эти годы начнется полное обновление! Многие полагали, что человечество обретет новый взгляд на живое, постигнет смысл жизни, надеялись, что раздробленные группировки сплотятся в единую национальную общность, и ожидали прихода ниспосланного Богом вождя!

Подобные настроения суть реальности общественной жизни — реальности много бльшие, чем экономические условия, которые рассматриваются именно сквозь призму ожиданий. Социологу или политику не стоит с пренебрежением отмахиваться от этих настроений, нужно принять их как факт и попытаться понять. Ведь, например, надежда на преодоление групповых конфликтов и создание человеческой общности есть одна из величайших и глубоко укоренившихся в человечестве надежд или грез. Не менее глубоки истоки чаяния увидеть в другом человеке “вождя”; в принципе оно вполне оправданно, ведь люди думают, что в другом легче заметить истинно человеческое и “вождистское”, чем в самих себе.

Чего недоставало в те годы? Что обнаружило свою несостоятельность? Задающий такие вопросы должен рассматривать означенные настроения как данность и спросить себя еще вот о чем: что в надлежащей форме могло удовлетворить эти ожидания? Только четкое понимание ситуации, обеспечивающее надеждам ясную ориентацию. От пустых разговоров о кризисе, о крахе, о злодейском “аппарате” проку нет. Помочь могут лишь конструктивные идеи. Причем

³⁰ *Julius Leber, Schriften — Reden — Briefe, München 1976, S. 240, 245.*

такая конструктивная идея должна была бы показать, каким образом человек может существовать в эпоху техники. Какие обязательные внутренние требования предъявляет к существованию человеческая натура и как их удовлетворить? Как человек может обеспечить себе достойное существование в школе, в государственных структурах, на предприятии — существование, которое позволит ему проявить свое “я” в социальной общности, примирит технику и природу, даст всем работу и хлеб?

Ответ на эти вопросы и теперь еще не найден. Экологический кризис особенно остро поставил проблему техники и природы, проблему сущности всего живого на земле, и мы, идя от одной катастрофы к другой, лишь мало-помалу, с огромным трудом начинаем постигать ее глубинный смысл. В столкновении интересов труда и капитала, в борьбе за рационализацию ныне опять или по-прежнему стоит перед нами все та же нерешенная проблема “человек и техника” — свидетельство тому как рост безработицы, так и бурные дискуссии о рационализации. Но все это бросает вызов человеческой мысли и познанию, которые должны обеспечить людям руководство во имя жизни и гуманизма. Такого руководства на основе познания не было в 1933 г., нет его и в наши дни; мы еще только учимся, и дается нам это с большим трудом.

5. Что кроется за вышеописанными симптомами?

Исторические процессы и события можно интерпретировать по-разному. Ныне принято первым делом задаваться вопросом о причинах: какие факторы прошлого вызвали то или иное событие? Такая постановка вопроса уместна, когда, к примеру, целый ряд событий подошел к концу. Так, итогом первой мировой войны явилось разорение огромных территорий; государства во время войны погрязли в “долгах”, что привело к финансовым трудностям; после войны осталось множество вдов и сирот. Все это, безусловно, суть прямые следствия войны. Ситуация уже несколько усложняется, если принять в расчет исчезновение монархий в странах Центральной Европы. Падение монархии Гогенцоллер-

нов и проч. демонстрирует отнюдь не только квази-механическое воздействие сокрушающей силы, но, скорее, тухлость и нежизнеспособность этих институтов. Так называемая Ноябрьская революция 1918 г. была лишь внешним толчком к исчезновению отживших учреждений. Однако в истории человечества бывают периоды, когда не только продолжается действие старого, но в большей степени создается новое. Таким периодом явился, например, июнь—август 1789 г. — начало Великой французской революции. В миг разрушения старого в историю формирующей силой вторгаются новые идеи и концепции. Эти идеальные элементы превращаются в жизнь, опираясь на общественный подъем, настроения людей, их симпатии и волеизъявление. Именно это придает им размах. Все, что до сих пор существовало только в умах как идеальная возможность, в течение нескольких недель становится исторической реальностью: провозглашается Декларация прав человека, разрабатывается проект конституции, изменяется само общество. Возникший за несколько месяцев новый жизненный уклад, который до поры до времени потерпит неудачу, будет затем служить масштабом и ориентиром на протяжении следующего, XIX века. Однако тот факт, что в революционном движении пробивают себе курс формирующие идеи, безусловно, объясняется изменениями в настроениях и сознании людей; в данном случае это перемены под влиянием Просвещения. В ходе революции они мгновенно воплотились в конкретных действиях масс. Аналогичным образом на заре нового времени перемены в общественном сознании разом конкретизировались в лютеровских тезисах 1517 г.: дремавшие до той поры идеи внезапно пробудились, получив четкую, точную формулировку. Эти дремлющие идеи, существующие как догадки, желания и воления, могут радикально сложиться в момент формулирования, в момент кризиса: тогда они обретают направленность, которая в невысказанном, в волеии была лишь намечена.

Если задаться целью конкретно описать изменения общественного сознания, то легче всего это сделать, присмотревшись к его содержаниям. Хартпол Лекки в своей знаменитой "Истории европейского Просвещения" вполне обоснованно снабдил две первые главы заголовком "О слабеющем

восприятию чудесного” и на примере различных феноменов — веры в чудо, в существование ведьм, в магию и т. д. — наглядно показал, какие содержания сознания были отвергнуты, а какие восприняты как новые. С времен Ньютона люди перестали смотреть на космос как на сферу божественных знамений, теперь это был другой космос, где согласно законам тяготения по расчетным орбитам движутся вокруг самого большого тела, самой большой массы другие небесные тела. В соответствии с этой моделью вообще стали мыслить природу как некую механическую конструкцию. Душевная позиция, отвечающая такому мировоззрению, отличается трезвостью и ясностью. Но рука об руку с этим внутренним прояснением и созданием новой системы мира идет повышение самосознания личности. Ему полностью соответствовали направленность воли и настрой Великой французской революции, в частности лозунг свободы и требование самоуправления; однако и идея очистительного разделения власти, контроля над чужим владычеством лежала в русле тех душевных преобразований, выразителем которых явилось Просвещение.

Уровень самосознания, завоеванный через Просвещение и эволюцию естествознания, и ясность соответствующей ему картины мира можно, бесспорно, считать неопределимыми достижениями новейшего этапа развития человечества. Но уже в начале XX века обнаружилось множество симптомов, говорящих о том, что *одного* этого ясного и проясняющего самосознания недостаточно, чтобы руководить жизнью человека и властвовать ею. Естествознание, породившее технизацию, отметило промышленные агломерации печатью смерти. Одновременно урбанизация рвала важнейшие социальные связи людей, вела к разобщению (например, в отдельных городских квартирах), к разобщению в работе у конвейера и в целом предельно “атомизировала” человеческие отношения. Поэтому у многих из самых глубин души выплескивается наружу горячее стремление воскресить, возродить общность; голый рационализм и материалистически-естественнонаучная картина мира представлялись пошлыми и плоскими. Поиски новых форм отразились в начале XX века в молодежном движении “Перелетные птицы”, в экспрес-

сионизме, где Марк* пытался отыскать новый динамично-одушевленный образ природы, а Кандинский — духовность искусства. То же стремление заметно и в движении за эстетическое воспитание, в критике технизации, примером которой служит вышедшая в 1912 г. книга Ратенау “Критика эпохи”, и в психоанализе, искавшем подход к динамике глубинных слоев человеческой души. Странный восторг, каким было встречено начало первой мировой войны, и упоение, с которым нации ринулись в бой, опять-таки показывают, что под поверхностной культурно-исторической симптоматикой скопился мощный заряд энергии, которая только и ждала своего пробуждения. Это “избыточная” энергия душ, которые не могут найти свое место в мире техники и в научной картине мира.

Огромное значение имеет тот факт, что Рудольф Штайнер в предвидении грядущего развития человеческого сознания еще в 1910 г. настоятельнейшим образом подчеркивал исключительную значимость 1930—1940-х гг., обращая внимание на то, что приблизительно с 1930 г. начнется расширение и трансформация сознания. В человеке пробудится способность непосредственно воспринимать пронизывающие мир эфирные жизненные силы. Как в начале XVIII века обострилось чутье к материальному, так теперь живое, в котором мы существуем и которым живем, станет осознанно “видимым”: “Ныне берет начало эпоха, когда как норма пробудится способность видеть не только физический мир, но и эфирные его основы. Иными словами, объявятся души, наделенные такими способностями, причем время их уже пришло, уже началось, просто они будут появляться все чаще. Покуда их еще немного и они рассеяны по всей земле. Но скоро эти способности будут шире и шире распространяться среди людей; их присутствие будет явственно ощутимо в 1930—1940 гг.” (лекция от 30 января 1910 года)³¹.

В другой лекции он называет еще более точные даты: “Первые признаки этих способностей проявятся в отдельных душах относительно скоро. Отчетливее они проступят

* Марк Франц (1880—1916) — немецкий живописец-экспрессионист, один из организаторов объединения “Синий всадник”.

³¹ Здесь и далее высказывания Рудольфа Штайнера цитируются по: *Rudolf Steiner: Das Ereignis der Christuserscheinung in der ätherischen Welt*, GA 118.

в середине 30-х годов нашего столетия, то есть между 1930 и 1940 годом. Чрезвычайно важны будут 1933, 1935 и 1937 годы. Именно тогда совершенно особые способности проявятся у человека как естественные задатки. В это время произойдут огромные перемены и исполнятся библейские пророчества. Все изменится и для тех душ, что пребывают на земле, и для тех, что уже покинули телесную оболочку” (лекция от 25 января 1910 г.).

Ознакомившись с цитированными в предыдущем разделе документами, кое-кто, возможно, воспримет широко распространенные тогда формулы типа “рубеж эпох”, “переломный момент”, “рубеж души” как выражение миро- и жизнеощущения, которое смутно предугадывает становящееся новое; если же внимательно изучить эти документы, то можно увидеть, что многие сотни душ ожидали, предчувствовали перелом, который должен преодолеть рационализм и материализм,— буквально ожидалось, что в человеке откроется органическое восприятие живого.

Рудольф Штайнер, однако же, и в 1910 г. не ограничился подчеркиванием важности и значимости 1933, 1935 и 1937 гг. Он сразу указал и на опасности этого периода. “В таких обстоятельствах можно сказать: мы стоим на пороге серьезного этапа мирового развития, и его необходимо основательно подготовить, чтобы не за́топать ногами первые всходы новой способности, готовой явиться на землю” (13 марта 1910 г.). “Конечно, может произойти нечто такое, что в зародыше погубит эти хрупкие душевные способности. Такая опасность может возникнуть, если люди не пожелают внять идеям духовной науки, замкнутся перед ними. Тогда тех, у кого эти способности обнаружатся, будут обзывать фантазерами и безумцами и упрячут в клиники для умалишенных. Некоторые из них сами решат, что и впрямь страдают галлюцинациями, другие, чтобы не сносить насмешек и издевательств, побоятся даже говорить на эту тему. А в итоге зарождающиеся духовные способности могут оказаться растоптаны” (10 мая 1910 г.). Далее, Штайнер предупреждал, что именно в эти годы возникнет опасность появления лжемессий. Он в полном смысле слова всесторонне и наглядно раскрывает глубину кризиса, который разразится в 1933 г.

Прозревая уже в 1910 г. дремлющие в глубинах человеческой души ростки метаморфозы и понимая особенность той угрозы, что связана с преодолением всякого порога, Рудольф Штайнер сумел заглянуть в будущее. Но как же ему удалось установить точную дату — 1933 г.? В этом контексте он постоянно разъясняет, что, согласно древнеиндийским представлениям о ходе истории, в 1899 г. заканчивается так называемая “мрачная эпоха” (калиюга). В другой связи Штайнер указывает, что период в $33 \frac{1}{3}$ года есть исторический ритм созревания исторических импульсов. И если с этой точки зрения посмотреть на 1900 г., то можно сделать вполне обоснованный вывод: вышеназванные новые движения свидетельствуют, что именно с 1900 г. началась новая историческая эпоха, чьи первые плоды созреют в 1933 г.

Итак, в 1933 г., видимо, произошло следующее: годы, предшествующие 1933-му, особенно 1932-й, уже демонстрируют в форме настроения своеобразный взлет ожиданий, почти эйфорическое — странно контрастирующее с экономической реальностью — ощущение близости переломного момента и упование на приход вождя, “фюрера”. В этих настроениях заявляет о себе возможность подлинно глубокого душевного преобразования. Кое-кто из нацистов, вероятно, также глубоко и искренне ими проникся. Но Гитлер и натурой вроде Геббельса, Геринга, Штрейхера, Рёма и иже с ними нарочито извратили эти настроения, сделали из них нечто прямо противоположное. Стремление уйти от рационального, “математического” сознания они вывернули наизнанку, подменили упоением парадов, шествий и массовых мероприятий: торжественные марши и знамена забивали ясное сознание. Желание глубже постигнуть живое, приблизиться к истокам жизни трансформировалось в идеологию “крови и почвы”, воплотившись в тупом культе “истинно германской матери”, производительницы новой расы. Женщину низвели до уровня “племенной кобылы”, награжденной “Материнским крестом”. Необходимость преодоления социальной изоляции нацисты использовали в своих целях, создавая с помощью “Силы через радость” “национальную общность”, где каждый мог найти прибежище. Наконец, антисемитизм прямо апеллировал к звериным инстинктам,

поднимавшимся из глубин человеческого существа: в концлагерях открыто практиковался садизм, люди, пытавшие своих сородичей, в конце концов становились холодными и бесчувственными.

Очень важно осознать, что именно в лозунгах “крови и почвы”, в идее “национальной общности”, в трудовой повинности проявляются в извращенном виде тенденции, направленность которых изначально была совершенно иной. Хуже всего, что ожидание общественных перемен было использовано в преступных целях: под девизом “Теперь все-все должно перемениться, стать динамичным, великим, могучим, живым, но не рассудочным, не интеллектуальным” вышвырнули за борт разум, демократию и права человека; 1933 г. был годом невиданной эйфории, которая упразднила и разделение власти, и автономию земель, и защиту личности от произвола со стороны государства. В 1935 г. были не только приняты “Нюрнбергские законы”*, но официально провозглашена и начата ремилитаризация Германии; наконец, в 1937 г. состоялось то самое непосредственно посвященное военным планам совещание, о котором стало известно из “протокола Хосбаха”. Так жажда перемен и обновления, пройдя стадии эйфории и жестокости, в итоге вылилась в одержимость, которая с уверенностью звериного инстинкта привела к развязыванию второй мировой войны и гибели Германии.

Вскрывающиеся глубинные пласты человеческого воления, изначально предназначенные для прозрения тайн живого и поисков новой, живой формы общественного устройства, были захвачены гитлеризмом и превращены в орудие реакции. Духовная энергия, “добрая воля” к обновлению — все это было в 1933 г., но отсутствовали или оказались несостоятельны мотивирующее осознание, формирующая и направляющая идея, способная устремить эту энергию в прогрессивное русло.

* Согласно этим законам, проживающие в Германии евреи лишались элементарных гражданских прав.

IV. Центр и периферия

Если описывать подъем национал-социализма только посредством цифр и фактов, то обыкновенно встает вопрос о причинах этого подъема. И если возлагать ответственность за усиление нацистского движения только на самые общие факторы, скажем на Версальский договор или мировой экономический кризис, то совершенно непонятно, почему, к примеру, Версальский договор не привел к власти гугенберговскую Немецкую национальную народную партию (НННП), которая располагала крупными финансовыми средствами и мощным пропагандистским аппаратом, или почему бедствия мирового экономического кризиса не отдали бразды правления КПП. Считая, подобно историкам-марксистам, что за “фашизм” в ответе капитализм — точнее, монополисты, — мы опять-таки оставляем открытым вопрос, почему не дали результатов политическое влияние и финансовая поддержка объединений германских промышленников, которые вплоть до ноября 1932 г., по сути, работали отнюдь не на Гитлера, а на НННП и ННП (Немецкую народную партию) и всячески содействовали осуществлению планов Гугенберга и Папена. Широко распространенное мнение, что финансы и экономическая мощь прямо обеспечивают политический успех, не меньше расходится с действительностью, чем рассказы нацистов, что Гитлер и его соратники, дескать, пришли к власти собственными силами, только благодаря напряжению воли и мужеству в неустанной борьбе¹.

Попытка исследования, основанная на этих фактах, будет исходить из того, что некие действия увенчиваются успехом, если их концепцию подкрепляют ситуации и настроения или если деятелей поддерживают достаточно большие группы людей. Только взаимодействие центра — в нашем

¹ Ряд концепций фашизма анализирует в своей книге Аксель Кун: см. *Axel Kuhn, Das faschistische Herrschaftssystem und die moderne Gesellschaft, Hamburg 1973*

случае Гитлера — с конкретной окружающей средой обеспечивает действиям успех или неуспех. Нацисты, как и другие политические группировки Веймарской республики, любили именовать себя “движением”. Тем самым они подчеркивали, что являются не просто партией — т. е. чем-то обособленным, — а центром активных действий. Гораздо лучше, чем расплывчатая, напичканная деталями краткая партийная программа, характеризует НСДАП предвыборное воззвание от 1 марта 1932 г., где, в частности, говорится: “Национал-социалистское движение, в этот час штурмовой колонной сплотившееся вокруг своего фюрера, призывает ныне весь германский народ сообща выступить в поддержку Адольфа Гитлера, ибо, став вождем нации, он способен дать Германии свободу”². Национал-социалистское движение действительно представляло собой военизированный штурмовой отряд, который давал выход своей агрессии всюду, где рассчитывал нанести урон “веймарской системе”. Что бы Гитлер ни предпринимал, он всегда учитывал ситуации и возможности. При том что собственная его программа действий была достаточно неопределенна. Так, 25 сентября 1930 г. он присягнул перед Имперским судом, что будет добиваться власти строго законным путем, в рамках конституции, чтобы уже в 1933 г. быстро и основательно эту конституцию ликвидировать; 27 января 1932 г., выступая в Клубе промышленников, он, как сторонник идеи результативности, обосновал неравенство между людьми и вытекающее из этого притязание на собственность и авторитарное руководство экономикой. Он, очевидно, забыл о пункте 13 своей партийной программы, содержащем требование “национализации трестов”³. На публичных собраниях Гитлер осторожно прощупывал почву, до тех пор пока возгласы и аплодисменты не убеждали его, что он уловил настроение массы. Войдя в контакт с аудиторией, черпая энергию в ее одобрении, он облакал в слова затаенные эмоции, ненависть и чаяния слушателей. Рабочий среди рабочих, бюргер среди бюргеров, он для всех был своим. Он мог проникнуться страстями и

² Ср.: *Der Nationalsozialismus, Dokumente 1933—1945*, hrsgg. von Walter Hofer, Ausgabe 1975, S. 23.

³ *Max Domarus, Hitler — Reden und Proklamationen Bd. I, Würzburg 1962, S. 68—90.*

желаниями практически любого человека. Чутье к настроению людей, к ситуации и умелое использование представившихся возможностей проявлялись у Гитлера не только в публичных выступлениях: это был его политический принцип. Действия Гитлера были ориентированы не только на центр “движения”, они постоянно учитывали всю палитру переменчивых текущих событий.

Если проанализировать путь Гитлера к власти и ее захват именно с этой точки зрения, то необходимо иметь в виду взаимодействие двух элементов: с одной стороны, воли Гитлера к власти, его агрессивности, направленной на несколько вполне конкретных объектов, с другой же — открывающихся перед ним возможностей или людей, которые хотели быть его противниками, а стали пособниками. Ведь то, что задним числом представляется чуть ли не логической цепью событий, продуманным планом, на самом деле есть чрезвычайно странная последовательность ситуаций, которыми Гитлер беззастенчиво воспользовался. Возникает прямо-таки ощущение, что сам приход к власти был отрежиссирован отнюдь не им, а целым рядом людей и обстоятельств, которые “сыграли ему на руку”.

1. От Гугенберга до Папена

Собственно восхождение Гитлера началось летом 1929 г., точно в середине межвоенного периода. Мюнхенская увертюра НСДАП давно забыта, с полным основанием отнесена к разряду курьезов первых постреволюционных лет и считается порождением инфляции. Лишь впоследствии Гитлер громко именовал провалившийся путч 1923 г. *“маршем к Галерее полководцев”* и возвел его в ранг величайшего исторического события. На выборах 1928 г. в рейхстаг НСДАП получила всего лишь 2,6% голосов, что характеризует ее как одну из множества мелких партий и политических сект. Решающую для восхождения Гитлера роль сыграло то обстоятельство, что Альфред Гугенберг, избранный в 1928 г. председателем правоконсервативной НННП, после поражения своей партии на выборах задумал создать единый блок всех правых сил. Гугенберг, тесно связанный с промышленными кругами, владе-

лец газетного концерна и киностудии УФА (“Универсум Фильм АГ”), был чрезвычайно влиятельной персоной. Его газеты, журналы и еженедельные выпуски кинохроники УФА, по сути, представляли собой единственные источники информации и наглядной агитации для населения сельских районов. 9 июля 1929 г. Гугенберг вместе с руководителями “Стального шлема” (Дюстербергом и Зельдте) и председателем Пангерманского союза Класом создал “Имперский комитет в поддержку народного волеизъявления” против “плана Юнга”, согласно которому Германии пришлось бы выплачивать репарации вплоть до 1988 г. Эти столпы консерватизма пригласили Гитлера сотрудничать с ними, ибо, считая себя “носителями аристократического духа”, полагали, что очень скоро отделаются от главаря “плебейской партии”. Гитлер согласился на союз с “реакционерами” и потребовал значительную часть денежных ассигнований. Куда важнее, однако, было то, что Гитлер получил доступ не только в “высшее общество”, но и к пропагандистскому аппарату гугенберговского концерна, который — сам того не ведая и не желая — делал Гитлеру рекламу. Газеты и кинохроника Гугенберга извлекли Гитлера из тьмы забвения, его движение попало на страницы газет и экраны кинотеатров, стало приобретать популярность.

Хотя декабрьский плебисцит 1929 г. не принес желанных для Гитлера результатов, *нацисты все равно* оказались в выигрыше. Число сторонников Гитлера резко возрастает, об этом свидетельствуют как выборы в Берлинское городское собрание от 17 ноября 1929 г., так и успешное завершение других избирательных кампаний. Таким образом, Гугенберг помог Гитлеру вернуться в “большую политику”, и тот умело и систематически использовал свой выход на общественную арену. Главное средство его пропаганды — митинги и торжественные шествия. Военные марши и кинохроника, плакаты и листовки добирались до самых отдаленных деревень. Хоровое пение активизировало публику, театрализованные представления приводили ее в неистовый восторг. При этом внимание было сосредоточено на конкретных очагах напряженности. Достаточно вспомнить Шлезвиг-Гольштейн, где крестьяне во главе с Клаусом Хаймом и

Вильгельмом Хамкеном в знак протеста против политики государства отказывались платить налоги, взрывали бомбы и бойкотировали магазины. Нацистские пропагандисты подключились к этому движению, аграрная программа Вальтера Дарре* сделала свое дело, лозунг “крови и почвы” был принят. На выборах в рейхстаг 14 сентября 1930 г. НСДАП получила в Шлезвиг-Гольштейне 27% голосов.

Другим объектом нацистской пропаганды стало среднее сословие. Над этой особенно пострадавшей от инфляции (1923) и экономического кризиса частью населения (т. е. служащими, так называемым “новым” средним сословием) нависла угроза социальной деградации. Пролетарские лозунги послушного Москве немецкого коммунизма не находили отклика в этих кругах; другое дело — националистические призывы Гитлера, которые многие нацисты — например, Грегор Штрассер — подкрепляли в ту пору резкими “антикапиталистическими” выступлениями. И наконец, воинственный дух СА, культ фюрера и иерархическая структура партийных организаций прекрасно отвечали самым разным устремлениям: во-первых, создавалось впечатление, что здесь царят порядок, субординация и уж по крайней мере авторитет; во-вторых, многим импонировала и агрессивность. В массовое сознание внедрялся именно такой образ “движения”, и успех не заставил себя ждать. Если в 1928 г. за НСДАП голосовало всего лишь 800 000 человек, то 14 сентября 1930 г. — 6 400 000. Гунгенберг потерял почти два миллиона голосов.

Отметим вкратце еще один фактор, достаточно широко известный: последовательное разрушение Брюнингом и особенно Папеном демократических институтов. Задолго до того, как *Закон о предоставлении полномочий* окончательно превратил рейхстаг в фикцию, постоянные переносы при Брюнинге заседаний и следовавшие один за другим роспуски рейхстага (Папен, например, в течение полугода дважды распускал рейхстаг, где число его приверженцев никогда не превышало пятидесяти человек) почти полностью вывели правительство из-под парламентского контро-

* Дарре Рихард Вальтер (1895—1953) — нацистский политик, с 1933 г. по 1942 г. занимал пост министра земледелия и продовольствия.

ля. Инспирированная фон Папеном отставка прусского правительства Брауна — Зеверинга 20 июля 1932 г. подчинила верную республике прусскую полицию правым силам. Уже тогда были составлены списки политических противников с указанием адресов, и после поджога рейхстага, чтобы арестовать коммунистических лидеров и других негодных лиц, Герингу потребовалось лишь достать эти списки. Таким образом, еще до прихода Гитлера к власти шла отработка диктаторских методов правления.

Любопытно, что доля *германского* крупного капитала в финансировании нацистского движения весьма незначительна. Немецкие предприниматели жертвовали деньги гитлеровской партии — отчасти в благодарность за защиту от террористических акций, отчасти для “страховки”, т. е. стремясь на всякий случай заручиться благосклонностью партии, которая, возможно, придет к власти. Но в общей сложности эти поступления составляли максимум одну десятую партийного бюджета. Втрое большую сумму давали членские взносы и деньги, собранные на митингах и других массовых мероприятиях. Однако в 1932 г. этих средств не хватало даже на финансирование отрядов СА, которые насчитывали 25 000 человек, причем все они носили форму и частью размещались в специальных общежитиях. В апреле 1932 г., когда у власти находилось правительство Брюнинга, рейхсканцелярия установила, что через безобидные, казалось бы, счета в баварском “Ферайнсбанке” Гитлеру шли *из-за рубежа* значительные суммы денег. Через швейцарский “Кредитанштальт” в кассу Гитлера поступило примерно 40—45 млн марок. Можно лишь предполагать, кто были эти зарубежные инвесторы, так как важные документы, которые могли бы пролить свет на это обстоятельство, надежно спрятаны. В первую очередь здесь, однако же, называют генерального директора “Ройял датч-Шелл”*, сэра Генри Детердинга; не исключено, что к финансированию НСДАП были причастны также шведский спичечный король Ивар Крюгер и военно-промышленные магнаты Виллем Виккерс и сэр Бэзил Захаров⁴. Точные сведения об этом будут получены,

* Крупнейший в Европе англо-голландский нефтяной концерн.

⁴ Ср. также: *Gerhard Schulz, Aufstieg des Nationalsozialismus*, Berlin 1975, S. 634 ff., 875.

только если Швейцария согласится приоткрыть для историков тщательно оберегаемую тайну банковских вкладов и они смогут заглянуть в документы “Кредитанштальт”.

Нас прежде всего интересуют отношения между инвесторами и получателями денег. Какие надежды инвесторы возлагали на Гитлера? Руководствовались ли они сугубо экономическими интересами или действовали в рамках некой антибольшевистской программы? Отдавали ли они себе отчет в том, на что идут их деньги и кто, благодаря их пожертвованиям, наращивает силу?

И все же эти благоприятные обстоятельства не помогли Гитлеру прийти к власти. На президентских выборах 1932 г. он получил во втором туре 37% голосов; примерно так же обстояло на выборах в рейхстаг в июле 1932 г. — за Гитлера голосовали 13,7 млн немцев. Одной агрессивности и политики отрицания оказалось мало, они себя полностью исчерпали. На ноябрьских выборах 1932 г. Гитлер впервые потерпел поражение: НСДАП потеряла 2 млн голосов, над партией нависла угроза внутреннего раскола, ее финансовое положение, видимо, тоже ухудшилось. И в этот момент Гитлера спасла совместная акция экономических кругов, за кулисами которой стояли “Лангнам-Ферайн”, промышленные магнаты Фёглер, Ройш и Шпрингорум. Действующими лицами здесь были Шахт, банкир фон Шрёдер и экономический советник Гитлера Вильгельм Кепплер. 19 ноября Гинденбургу вручили письмо, подписанное 30 видными промышленниками и содержащее просьбу назначить “фюрера самой сильной национальной группировки”⁵ главой кабинета министров. Поначалу ничего не произошло. Лишь 4 января 1933 г. при посредничестве Кепплера и фон Шрёдера в Кёльне состоялась встреча Папена и Гитлера, в ходе которой Гитлер подробно изложил, какие шаги предпримет в случае назначения его рейхсканцлером. Франц фон Папен совершил ту же ошибку, что и Гугенберг: решил, будто сумеет использовать Гитлера в своих целях, рассчитывая, что восемь министров-консерваторов обуздают Гитлера и “барабанщику”* останется толь-

⁵ См. Eberhard Czichon, *Wer verhalf Hitler zur Macht?*, Köln 1967.

* Гитлер однажды публично заявил, что в детстве мечтал стать барабанщиком

ко дудеть в его, фон Папена, дуду. “Через два месяца,— заявил Папен,— мы так прижмем его к стенке, что он и пикнуть не посмеет”⁶. Современники именно так и оценивали действия Папена, ведь важнейшие ведомства — внешнеполитическое, финансовое, военное, экономическое и юстиции — должны были возглавить консерваторы. Франц фон Папен оказал Гитлеру необходимую услугу: дал ему шанс.

Если бы прежде, чем играть с Гитлером в такие игры, эти господа изучили его, они бы поняли: Гитлер-оратор и Гитлер-деятель чутьем безошибочно схватывал любую ситуацию и использовал ее в своих интересах. Точно так же как выкрики с мест были нужны Гитлеру, чтобы войти в раж, пока, по словам одного из современников, его “не охватывало исступление”⁷ и он, неистово размахивая руками, захлебываясь, подчинял себе публику, а потом, изнемогая от усталости, покидал трибуну,— точно так же он мастерски использовал любую возможность, любую нечаянную подсказку, чтобы достичь желанной цели. И первые подсказки ему подбросил не кто иной, как сам фон Папен. 30 января состоялось первое заседание возглавляемого Гитлером кабинета министров. Сохранившиеся протокольные записи содержат следующие высказывания Папена: “По его [фон Папена.— К.Л.] мнению, разумнее всего тотчас потребовать от рейхстага Закон о предоставлении полномочий”. На следующий день фон Папен заявил: “Лучше прямо сейчас принять решение о том, что будущие выборы в рейхстаг станут последними и что отныне необходимо избегать возврата к парламентской системе”⁸. Как ни странно, рассуждения фон Папена резко контрастируют с точкой зрения Гитлера, который подробно разъяснил кабинету, почему в данный момент нельзя запретить КПГ и каким путем следует обеспечить сотрудничество с центристскими партиями. Гитлера не

⁶ Bracher/Sauer/Schulz, Die nationalsozialistische Machtergreifung, Opladen 1962, S 47 (примечание¹)

⁷ Weigand v Miltenberg (i.e. Herbert Blanck), Adolf Hitler — Wilhelm III, Berlin 1930, S. 69.

⁸ См. сборник. Das Ermächtigungsgesetz vom 24. März 1933, bearbeitet und herausgegeben von Rudolf Morsey, Göttingen 1968, S. 9 ff

только не пытались обуздать — наоборот, фактически на-
травливали его на политических противников; именно
Франц фон Папен побуждал его раз и навсегда покончить
с парламентским контролем и править на основе Закона о
полномочиях; позднее именно “старые, добрые” консер-
ваторы — чиновники и эксперты — разработали те зако-
ны и чрезвычайные постановления, с помощью которых
Гитлер полностью уничтожил демократический и судеб-
ный контроль над государственным аппаратом и подорвал
всю структуру рейха.

Очередная “подсказка” — поджог рейхстага — еще
больше усилила агрессивность Гитлера. Это в высшей сте-
пени загадочное событие, позволившее Гитлеру развязать
террор, открыто покончить с соблюдением прав человека
и, наконец, покрыть страну сетью концлагерей, создало на-
столько благоприятную для него ситуацию, что практиче-
ски все сторонние наблюдатели склонились к выводу, что
Гитлер сам отдал приказ о поджоге рейхстага или же ини-
циатором этой столь выгодной для нацистов акции был по
крайней мере Геринг. Тем не менее на самом деле пожар
рейхстага, видимо, застал их обоих врасплох; во всяком
случае, так считают многие современные исследователи,
тщательнейшим образом изучившие подоплеку этого собы-
тия⁹. Гнев, оцепенение и даже холерический припадок,
случившийся с Гитлером при виде языков пламени, рву-
щихся из окон зала пленарных заседаний, были вполне ис-
кренни. Для проведения арестов Геринг воспользовался
списками активистов КППГ, составленными чиновниками
фон Папена: карательная акция прошла успешно, и снова
создалось впечатление, будто Гитлер действовал по тща-
тельно разработанному плану, — на самом деле он в кото-
рый раз *решиительно использовал представившиеся воз-
можности.*

⁹ Изложенную в работе Фрица Тобиаса (*Fritz Tobias, Der Reichstags-
brand — Legende und Wirklichkeit, Rastatt 1962*) версию подтвердил и допол-
нил Ханс Моммзен (*Hans Mommsen, Der Reichstagsbrand und seine poli-
tischen Folgen, in: Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, 12/1964, S. 352 ff.,
382 ff.*). Дополнения, приведенные в книге Гезы фон Циффра (*Geza von
Cziffra, Hanussen, Hellseher des Teufels, 1978*), нуждаются в проверке.

2. Закон о предоставлении полномочий в обмен на конкордат

Совершенно очевидно, что следующим барьером, который Гитлеру предстояло взять, был Закон о предоставлении полномочий. Для Гитлера, избравшего тактику легального захвата власти, принятие такого меняющего конституцию закона имело огромное значение, ибо гарантировало ему поддержку чиновников и буржуазных кругов. Однако Закон о чрезвычайных полномочиях становился законом, только если получал две трети голосов, т. е. за него должны были проголосовать 432 депутата рейхстага. Но без поддержки центристов, выражавших интересы католической церкви, это было совершенно невозможно. Партия Центра объединяла под эгидой католического мировоззрения весьма разные политические группировки. Левые центристы, профсоюзное крыло, такие деятели, как Йозеф Вирт, были сторонниками республиканской демократии. Консервативное крыло, напротив, склонялось, скорее, к авторитарному режиму, по крайней мере не возражало против его установления. Председатель партии прелат Людвиг Каас уже через год после избрания, в 1929 г., заявил на Фрайбургском католическом соборе: “Никогда еще германский народ не ждал с таким нетерпением прихода подлинного вождя, никогда еще не молил об этом так горячо, как в эти дни, когда у всех у нас тяжело на душе, ибо страшные беды обрушились на наше отечество и нашу культуру”¹⁰. После того как во главе кабинета министров в 1930 г. встал центрист Брюнинг, Каас как руководитель Центра отошел в тень. Брюнинг по праву считался в широких кругах населения подлинным лидером стабильного блока германских католиков. После его отставки (30.05.1932) влияние Кааса, естественно, вновь возросло.

Людвиг Каас, доверенное лицо статс-секретаря Ватикана кардинала Пачелли (будущего папы Пия XII), еще при Брюнинге стал как бы посредником между Ватиканом и германской политикой и месяцами находился в Риме, занимаясь вопросами конкордата. Именно Пачелли, настаивая на со-

¹⁰ Die 68. Generalversammlung der deutschen Katholiken zu Freiburg, 28. August bis 1. September 1929, S. 257.

глашении между рейхом и Ватиканом, уже в 1931 г. пытался привлечь на свою сторону Брюнинга и для этой цели советовал ему вступить в коалицию с правыми, т. е. с Гитлером¹¹. Здесь сразу выявились глубокие расхождения между Брюнингом и Виртом, с одной стороны, и Пачелли — с другой. Брюнинг открыто выступал против нацистов. Пачелли же — во всяком случае, после подписания в 1929 г. Латеранских соглашений* с Муссолини — считал фашистов вполне подходящими партнерами: ведь не кто иной, как Муссолини, восстановил самостоятельность государства Ватикан и предоставил католической церкви значительные права на территории Италии. Каас присоединился к этой позиции самое позднее в сентябре 1932 г. Наконец в октябре 1932 г. Пачелли передал германскому правительству меморандум о заключении Имперского конкордата. В ту пору пост рейхсканцлера уже занимал бывший депутат прусского ландтага от правых центристов Франц фон Папен, поддерживавший весьма близкие отношения с Пачелли.

Когда знаешь тогдашние тенденции римской политики и взгляды Кааса и Пачелли, последующие события предстают в особом свете. В кампанию по выборам в рейхстаг, назначенным на 5 марта 1933 г., Каас включился с опозданием. Сразу после выборов, обеспечивших коалиции Гитлера — Папена внушительную победу (она набрала 52% голосов), Каас 6 марта, не поставив в известность правление своей партии, провел конфиденциальную беседу с фон Папеном, предложив ему поддержку партии Центра, и в последующие недели энергично полемизировал с Брюнингом, требуя принять Закон о чрезвычайных полномочиях. Каас также (20 и 22 марта) встречался с Гитлером, изложив ему требования партии Центра по таким проблемам, как политика в области школьного образования, отношения церкви и государства и конкордаты¹². Восстановить детально ход переговоров не представляется возможным, так

¹¹ *Brüning, Memoiren*, S. 293 f.

* Латеранские соглашения — документы, подписанные 11 февраля 1929 г. между Ватиканом и фашистским правительством Муссолини. Включают основной договор, признающий независимость и суверенность государства Ватикан; конкордат, фиксирующий отношения между правительством и церковью в Италии, а также финансовую конвенцию.

¹² *Textsammlung "Das Ermächtigungsgesetz"* Anm. 8, S. 24.

как он не нашел отражения в протоколах. При обсуждении столь щекотливого вопроса, как Имперский конкордат, ни Каас, ни Гитлер не были заинтересованы в протоколировании, тем более что ранее придерживались по этому поводу противоположных взглядов. Обе стороны допускали, что переговоры могут закончиться провалом, и считали преждевременные публикации бессмысленными. Тем не менее сохранить свои встречи в тайне им не удалось. Уже 23 марта, в тот день, когда рейхстаг предоставил Гитлеру чрезвычайные полномочия, председатель Союза евангелических церквей Герман Каплер узнал о планах подписания Имперского конкордата и немедленно направил Гинденбургу письмо, в котором говорилось: “Ходят слухи, что в связи с принятием Закона о полномочиях велись переговоры с представителями интересов католической церкви — политиками или церковными иерархами — об обеспечении правового статуса католической церкви в Германии, вытекающего из положений Конституции; в частности, речь шла об оформлении призванного обеспечить этот статус конкордата”¹³. Уже 24 марта папский нунций в Берлине Орсениго сообщает кардиналу Пачелли, что 10 апреля Геринг собирается выехать в Рим^{13а}. Эта поездка весьма примечательна потому, что Геринг, занимая пост министра внутренних дел Пруссии, был в эти дни чрезвычайно занят. Брюнинг в своих мемуарах пишет: “сопротивление Кааса” принятию Закона о полномочиях “ослабело, когда Гитлер заговорил о конкордате, а Папен заверил, что конкордат фактически дело решенное. <...> Эти переговоры пробуждали у Кааса все более радужные надежды, и он оставался глух к моим предостережениям”¹⁴. Вечером 24 марта, т. е. через несколько часов после принятия Закона о полномочиях, Людвиг Каас, не поставив никого в известность, выехал в Рим, куда прибыл 26 марта. Позднее кое-кто утверждал, что Ка-

¹³ Цит по: *Klaus Scholder, Die Kirchen und das Dritte Reich, Berlin 1977, S. 312*. Эта работа вообще заслуживает внимания, поскольку затрагивает весь комплекс проблем, связанных как с предьсторией конкордата, так и с его последствиями. Конрад Репген в статье, опубликованной в “Франкфуртер альгемайне цайтунг” от 24 10.1977 г., выступил против Клауса Шольдера, однако его аргументация неубедительна.

^{13а} *Kirchliche Akten zu den Konkordatsverhandlungen 1933, Mainz 1969, S. 3.*

¹⁴ *Brüning, Memoiren, S. 656.*

ас якобы отправился в Рим обсудить вопросы, касающиеся Эйпена и Мальмеди*. Однако на деле, по словам самого Кааса, целью его поездки было “выяснить возможности взаимопонимания между церковью и государством по широкому кругу проблем”¹⁵. Через несколько дней Каас вернулся в Берлин. Теперь и с немецкой стороны начинается подготовка к подписанию конкордата. В первых числах апреля Папен приказывает составить документы, необходимые на переговорах о конкордате. Вечером 7 апреля Каас навсегда покидает Берлин и ранним утром 8 апреля случайно встречает в Мюнхене Папена, который тоже направляется в Рим. Они продолжают беседу о переговорах по конкордату¹⁶. В Риме Каас поначалу старается продвинуть переговоры по конкордату, а кроме того, консультирует Ватикан по германским вопросам.

Отношение немецких епископов к национал-социалистскому движению (еще в начале года они предостерегали от нацизма как от “нового язычества”) в эти последние мартовские дни изменилось. Еще 13 марта на тайном заседании консистории Пий XI одобрительно отозвался о борьбе Гитлера против большевизма и тем самым сигнализировал, что позиция немецкого епископства вскоре претерпит метаморфозу; а в июне 1933 г. совместное папское послание всех немецких епископов призвало католиков к сотрудничеству с новым государством¹⁷. После подписания конкордата кардинал Фаульхабер 24 июля писал Гитлеру: “Германия протянула руку папству, величайшей нравственной силе мировой истории, и это поистине великий и благой жест, поднимающий на новую ступень авторитет Германии на Западе, на Востоке и во всем мире”. Свое письмо Фаульхабер закончил так: “Мы искренне, от всего сердца желаем: да хранит Господь нашего рейхсканцлера, ибо он нужен нашему народу”¹⁸. Партия Центра, представ-

* Эйпен и Мальмеди — бывшие территории Германии, отошедшие к Бельгии по условиям Версальского мира

¹⁵ Staatliche Akten über die Reichskonkordatsverhandlungen, Mainz 1969, S 496

¹⁶ Ibid., S 12 ff

¹⁷ Katholische Kirche und Nationalsozialismus, dtv Dokumente, hrsgg von Hans Müller, München 1965, S 163 ff

¹⁸ Staatliche Akten zu den Reichskonkordatsverhandlungen, S 293

лявшая политический католицизм и после поспешного отъезда Кааса из Германии оставшаяся без председателя, была принесена в жертву конкордату: 5 июля она объявила о самороспуске, а 8 июля переговоры о подписании конкордата успешно завершились.

В результате Гитлер получил ряд преимуществ: во-первых, каасовская фракция Центра в рейхстаге поддержала Закон о чрезвычайных полномочиях, ибо за него проголосовали 444 депутата. Таким образом, Гитлер, действуя как будто бы в рамках закона, сосредоточил в своих руках огромную власть. Закон о полномочиях вплоть до 1945 г. фактически служил основой всего законодательства в нацистском государстве. Во-вторых, прекратила свое существование самая стабильная из всех политических партий Веймарской республики; в-третьих, Гитлер тем самым привлек на свою сторону католическую часть населения Германии, которая теперь, чеканя шаг, двинулась в новый рейх; в-четвертых, как партнер, подписавший конкордат, он снискал признание и одобрение старейшего государства Запада — Ватикана.

Многие современные исследователи считают взаимосвязь Имперского конкордата с Законом о чрезвычайных полномочиях достаточно спорной. Такая позиция католических историков, разумеется, не вызывает удивления. Они постоянно заявляют, что данная версия не находит надежного документального подтверждения. Однако, скорее всего, эта взаимосвязь и не нашла отражения в документах, ведь дела подобного рода на бумаге не фиксируют. Тем не менее косвенные свидетельства официальных источников и мемуаров весьма красноречивы; уже поведение Кааса говорит о многом: кому придет на ум в те бурные дни тайно отправиться в Рим, чтобы ни больше ни меньше как вести там переговоры о третьестепенных проблемах вроде Эйпена и Мальмеди? Современный уровень наших знаний не позволяет, к сожалению, найти ответ на следующий вопрос: кто предложил переговоры о подписании конкордата — Гитлер или Каас? По мнению Брюнинга, Гитлер предложил Каасу конкордат в обмен на поддержку центристами Закона о полномочиях; предыстория переговоров о конкордате, скорее, свидетельствует, что такое требование

исходило от Кааса: ведь партия Центра была в свое время создана именно для того, чтобы обеспечить католической церкви в Германии права и позиции, которые как будто бы гарантировал конкордат.

3. Пересмотр европейских границ

Благоприятными для нацистов обстоятельствами явно отмечены и дальнейшие этапы осуществления их политики. Весной 1935 г. Гитлер сам загнал свою внешнюю политику в тупик. Еще в 1934 г., когда австрийские нацисты предприняли попытку мятежа и убили федерального канцлера Дольфуса, Муссолини пригрозил Германии войной и стянул свои дивизии к перевалу Бреннер. Затем, когда Гитлер в марте 1935 г. в одностороннем порядке расторгнул Версальский договор и снова ввел в Германии всеобщую воинскую повинность, Франция, Англия и Италия на конференции в Стресе единодушно осудили эти акции. Советский Союз выступил с инициативой создания системы коллективной безопасности против Гитлера. Именно в это время британский министр иностранных дел сэр Джон Саймон предложил Гитлеру начать переговоры, итогом которых явилось подписанное 18 июня 1935 г. соглашение о военно-морских флотах. Между тем Муссолини ввязался в свою абиссинскую авантюру, вновь обеспечив Гитлеру свободу действий. И, наконец, начавшаяся в 1936 г. Гражданская война в Испании привела к возникновению оси Берлин—Рим.

Впрочем, куда однозначнее выглядят два других процесса — британская “политика умиротворения” и политика Сталина, результатом которой был советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. 5 ноября 1937 г. Гитлер изложил перед высшим генералитетом и министром иностранных дел свои захватнические планы и обрисовал ситуации, которые позволят их осуществить. Если беспристрастно читать запись этих рассуждений Гитлера — так называемый “протокол Хосбаха”, — приходится констатировать, что обрисованные Гитлером ситуации никогда не имели места: он исходил из того, что к вторжению в Чехословакию и Австрию необходимо через внутренние бес-

порядки или иные вооруженные конфликты приписать Францию. Однако события развивались несколько иначе. Этому в немалой степени способствовали влиятельные британские консерваторы, чья политика была продиктована исключительно антибольшевизмом. Еще 25 сентября 1930 г. лорд Ротермир, издатель “Дейли мейл”, “Ивнинг ньюс” и “Санди диспэтч”, опубликовал в “Дейли мейл” статью “Победа Гитлера — возрождение германской нации”, выступая за проведение новой, дружественной политики по отношению к Германии¹⁹.

В этой статье Ротермир, в частности, писал: “На наших глазах рождается новая Германия. Уже сейчас она сильна, а через несколько лет станет еще сильнее. Уже сейчас она преисполнена решимости, а вскоре может бросить вызов всему миру. Мы не сумеем воспрепятствовать этому развитию, и, на мой взгляд, британский народ совершит ошибку, если займет в этом вопросе враждебную позицию. <...> Западная цивилизация только выиграет, если у кормила власти в Германии станет правительство, исповедующее те же позитивные идеи, с помощью которых Муссолини за последние восемь лет буквально возродил Италию”.

Эту позицию, правда выражая ее в другой форме, разделяла и “Таймс”; ее издатель Джеффри Доусон безоговорочно придерживался прогерманских взглядов. В том же направлении использовали свой авторитет такие видные политические деятели, как Ллойд-Джордж и лорд Лондондерри²⁰. В мае 1937 г. премьер-министром Великобритании стал Невилл Чемберлен, отнюдь не склонный к легкомысленному оптимизму; он опасался войны с Германией и всячески старался не дать ей повода к войне, чтобы таким образом сохранить мир. После долгих колебаний было решено 17 ноября 1937 г. направить в Германию для переговоров с тамошними политиками лорда председателя суда Галифакса. 19 ноября в усадьбе на Оберзальцберге он встретился с Гитлером и начал разговор с замечания, что его визит согласован с Чемберленом и министром иностранных

¹⁹ См.: *Der Aufstieg der NSDAP in Augenzeugenberichten*, hrsgg. von Ernst Deuerlein, München 1974, S. 322.

²⁰ См. также: *Margaret George, The Warped Vision*, Pittsburg 1965; *A.L. Rowse, All Souls and Appeasement*, London 1961.

дел Иденом и что они едины в постановке политических целей. Как он сам, Галифакс, так и остальные члены британского кабинета, убеждены, “что фюрер не только возродил величие Германии, но, уничтожив коммунизм в своей стране, преградил ему путь в Западную Европу, а потому Германию по праву можно считать оплотом Запада в борьбе с коммунизмом”. В ходе достаточно продолжительных переговоров обсуждалось много вопросов, представлявших взаимный интерес, в том числе и положение в Европе; германское министерство иностранных дел следующим образом и вполне правильно резюмировало рассуждения Галифакса (германская сторона запротоколировала их, а затем предъявила лорду запись): “Галифакс по собственной инициативе признал, что, по-видимому, неизбежны определенные изменения в европейском устройстве. Английская сторона не считает, что при всех обстоятельствах необходимо сохранять статус-кво. Данциг, Австрия и Чехословакия — вот проблемы, в которых, вероятно, рано или поздно произойдут изменения. Англия заинтересована лишь в том, чтобы это развитие осуществилось мирным путем²¹.”

Когда Иден, противник “политики умиротворения”, 20 февраля 1938 г. ушел в отставку и его пост занял Галифакс, Гитлер воспринял это как сигнал. Он активизировал свою экспансионистскую политику, направив ее именно на те территории, о которых шла речь на переговорах в Берхтесгадене, — на Австрию, Чехословакию и Данциг. Буквально через несколько дней австрийский канцлер Шушницг обеспечил ему повод для ввода войск. “Объединение” Австрии и Германии было воспринято в Англии как вполне естественный процесс, критиковали только гитлеровское бряцание оружием. Правящие круги не только не отказались от “политики умиротворения”, но проводили ее еще более активно.

Следующей жертвой нацистской экспансии стала Чехословакия. Подобно габсбургской монархии до 1914 г., она была многонациональным государством, где наряду с чехами, составлявшими большинство населения, проживали словаки, немцы, украинцы, венгры и поляки — взрыво-

²¹ Akten der deutschen auswärtigen Politik, Serie D, Bd. 1, S. 37—45, 57.

опасного материала более чем достаточно. Летом 1938 г. в Прагу прибыл английский дипломат Уолтер Рансимен, чтобы изучить тамошнюю обстановку и нажать на чехословацкое правительство. События, как известно, развивались следующим образом: Гитлер со своей стороны тоже постепенно увеличивал нажим, а в итоге было подписано Мюнхенское соглашение, которым Великобритания, Франция, Италия и Германия вынудили Чехословакию удовлетворить территориальные притязания Германии, уступив ей области проживания немцев. Поскольку же эти судетские области представляли собой хорошо укрепленный, гористый пограничный район, то после Мюнхена Чехословакия оказалась совершенно беззащитной. Гитлер снова добился невиданного успеха: в мирное время он как бы мирным путем обеспечил возвращение трех миллионов немцев “домой, в рейх”. Мюнхенское соглашение укрепило позиции Гитлера на Европейском континенте, а его авторитет в Германии уже полностью исключал возможность всякого сопротивления. Предложение Галифакса и отставка Идена были для Гитлера сигналами, указавшими, куда можно направить усилия.

В заключение стоит сказать о том, что решающим импульсом к развязыванию войны в 1939 г. стала для Гитлера готовность Сталина пойти ему навстречу, именно поэтому он смог начать военные действия против Польши. Весной 1939 г. западные державы, понимая, что любые британские гарантии территориальной целостности Польши без поддержки Советского Союза бессмысленны, вступили в переговоры со Сталиным. Однако Сталин не доверял западным партнерам. Почему, спрашивал он себя, они позволили Гитлеру обрести такую мощь? Разве не антикоммунисты наиболее активно поддерживали его? 10 марта 1939 г. в знаменитой речи на XVIII съезде ВКП(б) Сталин прямо заявил, что “видимых оснований для конфликтов между Германией и Советским Союзом” не существует. В Берлине сразу поняли намек, но решили подождать дальнейшего развития событий. 17 апреля советский посол в Берлине посетил статс-секретаря министерства иностранных дел Эрнста фон Вайцеккера и в конце беседы, состоявшейся по совсем иному поводу, заявил: “Идеологические разно-

гласия практически не отразились на русско-итальянских отношениях и, безусловно, не будут препятствием в отношениях с Германией. Советская Россия не использовала против Германии ее нынешние разногласия с западными демократиями и впредь также не намерена этого делать. Нет таких причин, что мешали бы России поддерживать с Германией нормальные отношения, которые впоследствии могут перерасти в дружеские”²².

Затем последовали переговоры экономических делегаций, но уже 20 мая 1939 г. советская сторона потребовала от Германии ответных шагов. Удивленный этим, германский посол в Москве граф фон Шуленбург писал Вайцеккеру: “Я предпочел сказать как можно меньше, тем более что поведение господина Молотова кажется мне довольно подозрительным. Создается четкое впечатление, что ему недостаточно такого политического жеста с нашей стороны, как возобновление переговоров по экономическим вопросам, и что он явно хочет более конкретных предложений политического характера”²³. Лишь после продолжительных колебаний и осторожного зондирования ситуации Германия в середине августа 1939 г. делает ответный шаг. Подписанный 23 августа советско-германский пакт о ненападении позволил Гитлеру напасть на Польшу и тем самым начать вторую мировую войну. Сталин, конечно, хорошо знал, что делает, ведь в дополнение к пакту был подписан секретный протокол о разделе Восточной Европы на сферы влияния. Действия обоих партнеров свидетельствуют, что все последствия были заранее учтены.

Как тогда, так и в наши дни общественно-политическая деятельность немислима без партнеров, без со-участников, ибо это всегда взаимодействие. Если вспомнить всех перечисленных выше противников и партнеров Гитлера, от Гугенберга, Папена и Кааса до Галифакса, Чемберлена и Сталина, то поражает своеобразный оппортунизм и полнейшая безответственность, какими отличались хотя бы те же Гугенберг, фон Папен, Каас и Сталин. Всем им недоставало социальной фантазии, позволяющей наглядно — так

²² Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie D. Bd. VI. S. 221

²³ Ibid., S. 464

сказать, в переводе на человеческое страдание — представить себе последствия как своих, так и чужих действий. Люди вроде Папена даже после 1945 г. не понимали, что натворили. Зло, воплощенное в Гитлере, преступность его замыслов обретали действительность только в определенной среде, которую создает отсутствие у человека собственного “я”, или безответственность. С одной стороны, это проявляется в неумении распознать зло и разглядеть его истинный облик. Задолго до 1933 г. Гитлер беззастенчиво обнародовал свои идеи и цели не только в книге “Майн кампф”; он публично выразил солидарность с убийцами из Потемпы²⁴; в беседе с фон Папеном 4 января 1933 г. он прямо заявил, что изолирует от общественной жизни и евреев, и коммунистов, и социал-демократов; придя к власти, он уже через несколько дней на встрече с германскими генералами изложил им свои экспансионистские планы²⁵. Чемберлен и Галифакс, зная принятые в 1935 г. “Нюрнбергские законы”, не могли не понимать, с кем имеют дело. Однако на такие факты упорно закрывали глаза. Вдобавок многие всерьез надеялись использовать Гитлера в собственных интересах: Гугенберг рассчитывал с его помощью усилить свое политическое влияние, фон Папен — снова стать рейхсканцлером, британские поборники “примирения” — создать бастион против коммунизма, Сталин — расширить сферу своего влияния в Восточной Европе. В результате они все время помогали Гитлеру: как только он заходил в тупик, фон Папен, Галифакс и Сталин тотчас ставили его на ноги и сдвигали с мертвой точки.

Таким образом, безответственность со-участников этой политической игры создала третий вакуум, в котором национал-социализм развернул бурную деятельность. Первым вакуумом была безысходность социальной ситуации в годы экономического кризиса, который в силу брюнинговской кризисной стратегии предельно обострился и полно-

²⁴ В Потемпе девять штурмовиков насмерть забили ногами коммуниста Бойтенский трибунал приговорил пятерых штурмовиков к смертной казни, однако смертные приговоры не были приведены в исполнение. Гитлер открыто солидаризовался со штурмовиками, о чем свидетельствует текст его телеграммы.

²⁵ См. запись генерала Либмана (Liebmann) от 3 02 1933 г. (in Der Nationalsozialismus, Dokumente 1933—1945, Frankfurt, S. 180 f.)

стью вывел из-под контроля всю политику. Вторым вакуумом явилось неумение крупнейших немецких ученых оценить ситуацию; подобно Шпрангеру, они так и не поняли проблем своей эпохи и подошли к ней с мерками прошлого. Бесконечные разговоры 1929—1933 гг. о кризисе — в том числе и у Ясперса — были не чем иным, как симптомом того, что мыслящий дух утратил связь с окружающим миром и искал прибежища в апокалипсических упованиях на мировые перемены. Третий вакуум, как сказано выше, проявился в безответственности действий.

4. Заключение

В 1945 г. стала наконец ясна чудовищная мощь политического, духовного и человеческого вакуума. И дело не только в том, что безответственно взращенная гитлеровская диктатура стоила жизни многим миллионам русских, поляков, евреев, немцев и других европейцев. Суть происшедшего в политической и духовной сфере зримо проявилась лишь после 1945 г.: в вакуумные полости вторглись с запада и с востока силы, стремящиеся к мировому господству: с востока Советский Союз, поставивший перед собой цель осуществить мировую революцию, с запада — США, намерения которых воплотились в плане президента Ф.Д. Рузвельта “Единый мир”. Солдаты их армий встретились в самом сердце Германии, и вскоре по центру Европы прошла та разделительная линия, которая представляет собой нечто большее, чем просто “железный занавес”. В действительности разделена не только Германия, но и вся Европа. Восточноевропейские страны фактически стали вассалами Советского Союза, цели которого четко сформулированы в доктрине Брежнева. Советский Союз не только подчинил себе их армии, экономику и политику. В духовной и культурной сфере также господствует определенная доктрина, и человеку невозможно свободно высказывать свои мысли. Таким образом, пелена страха и вседушевого контроля окутала народы этих государств, парализуя жизнь и не позволяя им внести свой вклад в развитие европейской культуры.

В свою очередь большая часть Западной Европы попала

в зависимость от США. Такие страны, как Англия и Франция, еще накануне второй мировой войны великие и мощные державы, в значительной степени утратили свое влияние. Иногда кажется, что Англия вовсе не относится к числу победителей в мировой войне. От Империи и Содружества наций почти ничего не осталось.

Вся Западная Европа очутилась в сфере воздействия североамериканской цивилизации. В США американизм действительно сделал немало полезного. Но американизм экспортный ведет в Западной Европе к примитивизации всей жизни, к бездуховности культуры, что в Роттердаме или в Штутгарте вызывает куда более разрушительные последствия, чем в самих США.

Раздел Европы, угроза, нависшая над европейской культурой, — вот, собственно, итог гитлеровской диктатуры. Однако коренится этот итог не в самом гитлеризме и его преступных способностях; скорее, он демонстрирует тот духовно-нравственный вакуум, который образовался в Европе, и особенно в Германии, до прихода Гитлера к власти. В духовной сфере этот вакуум заявлял о себе давно — еще с времен Ницше — в форме нигилизма. Практически активным он стал, когда жажда власти, маскирующаяся в тогу реальной, диктаторской или глобальной, политики, превратилась в определяющий фактор политической деятельности. Решающую роль, однако, сыграл переход к практической политике кризисов и катастроф, которую разрабатывал Шахт, а проводил в жизнь Брюнинг; именно здесь стал возможен всплеск расового безумия и необузданной агрессивности Гитлера. Мирового масштаба эта политика достигла стараниями антиподов и партнеров Гитлера, которые вывели его на европейскую сцену и тем самым подготовили гибель Европы.

Послесловие

Объем данной книги не позволил обсудить все версии, касающиеся оккультного влияния на Гитлера. Хотелось бы, однако, сделать еще одно короткое замечание. Те якобы новые факты, которые Тревор Равенскрофт приводит в своей книге (*Trevor Ravenscroft, The Spear of Destiny, London 1972*), в основном представляют собой чистейшей воды вымысел. В свое время (в 1974 г.) я обстоятельно проанализировал это сочинение, обнаружив целый ряд несообразностей (см. "Die Drei", Jg. 44, S. 632 ff.). Так, по Равенскрофту, венский антиквар, некто Эрнст Прече, общается Гитлера к наркотикам и посвящает его в оккультные тайны,— но документы свидетельствуют, что такого человека в Вене никогда не было. Далее, у Равенскрофта Гитлер — уехавший из Вены в 1913 г. — присутствует в 1910 или в 1911 г. на спектакле оперы Вагнера "Парсифаль" и даже отождествляет себя с Клингзором. Увы, в Вене премьера этой оперы состоялась только в январе 1914 г., так как Вагнер завещал ставить ее исключительно в Байройте, а срок охраны его авторских прав истек лишь в 1914 г. Кроме того, Равенскрофт пишет, что в мае 1913 г. Гитлер купается в разлившемся от паводка Дунае; этот эпизод нужен по одной простой причине: чтобы равенскрофтовский "очевидец" мог обнаружить у Гитлера отсутствие одного яичка (!). И подобными выдумками сочинение Равенскрофта буквально пестрит; наверное, даже и не стоило бы останавливаться на нем, если бы не приходилось то и дело сталкиваться с людьми, которые принимают все эти рассказы за чистую монету. Скажем, Герман Раушнинг приводит в своей книге почерпнутую из вторых рук историю, что-де Гитлер по ночам просыпался с истошным криком и твердил, что ему привиделся демон (*Rauschning, Gespräche mit Hitler, Ausgabe 1973, S. 273*), но она не находит подтверждения в обширной литературе, посвященной этой тематике и в целом не скупающейся на сенса-

ции. Книга Раушнинга была написана осенью 1939 г., а значит, эти пассажи вполне можно отнести за счет военной пропаганды. Когда речь заходит об *окультурных основах деятельности Зеботтендорфа*, нередко ссылаются на тоненькую книжицу “Тайные ритуалы турецких масонов” (“Die geheimen Übungen der türkischen Freimaurer”). Зеботтендорф обозначен не как автор, а как редактор этого сочинения, увидевшего свет в 1924 г. Предисловие сообщает, что написана книжка Вальтером Ульрихом Паулем Швидталем (1875—1920), который якобы наблюдал описанные ритуалы у дервишей-бекташи; Зеботтендорф, разбирая литературное наследство Швидталя, обнаружил это сочинение. Остается, однако, открытым вопрос, действительно ли в Турции отправлялись эти ритуалы. Во времена “Общества Туле” (1918—1919), насколько нам теперь известно, они еще никакой роли не играли. Зеботтендорф, видимо, познакомился с ними лишь в начале 20-х гг.

И наконец, несколько слов по поводу *орденского характера формирований СС*. Требуется ответить на вопрос: как оценивать подтвержденные многочисленными свидетельствами склонности к ритуальным или культовым формам, а также романтические проекты и оккультные интересы Гимmlера и Гейдриха? Исследования, проведенные Михаэлем Катером (Michael Kater) и Хайнцем Хёне (Heinz Höhne), позволяют сделать такой вывод: рассматривая зверства охранников концлагерей как неосознанное воздействие оккультизма зла, следует расценивать ритуальные игры Гимmlера как псевдооккультный фольклор, использующий формы, заимствованные из литературы.

Оглавление

I. Феномен Гитлера:	
тайные и явные причины его возникновения	5
1. Карл Хаусхофер	7
2. Зеботтендорф и “Общество Туле”	14
3. Как прояснить закулисные стороны национал-социализма?	24
II. Интерпретация истории и политика разжигания кризисов.	
Стратегии разрушения	39
2. От упадка культуры к теории “заката Европы”	41
3. От кризиса парламентаризма к жажде гибели	43
4. Политика катастроф на практике	49
III. На рубеже миров — на рубеже эпох	58
1. Бунт “крови и жизни” против критического рационализма	58
2. Эдуард Шпрангер	62
3. Карл Ясперс	67
4. Рубеж эпох и надежда на спасение	71
5. Что кроется за вышеописанными симптомами?	80
IV. Центр и периферия	87
1. От Гугенберга до Папена	89
2. Закон о предоставлении полномочий в обмен на конкордат	96
3. Пересмотр европейских границ	101
4. Заключение	107
Послесловие	109

Кристоф Линденберг
Технология зла

Редактор
Н Н Федорова
Художественный редактор
И М Казеева
Корректор
Н И Маркелова
Компьютерная верстка
А С Аракелян

ЛР № 064543 от 16 04 96 г
Подписано в печать 16 05 1996 Формат 84×108/32
Бумага офсетная №1 Гарнитура "КвантАнтикваС"
Печать офсетная Физ печ л 3 5
Тираж 5 000 экз Зак 12761
ООО Издательство "Энигма",
123022, Москва, ул Пресненский вал, 1/2 а/я 65

Отпечатано с оригинал-макета в типографии ГИПП "Янтарный сказ",
г Калининград, ул К Маркса, 18

интернет-магазин

OZON.RU

25367521

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЭНИГМА